

INSPIRIA

# СЬЮЗЕН ХИЛЛ ОБЕТЫ МОЛЧАНИЯ

**Серия  
бестселлеров  
о старшем  
инспекторе  
Саймоне  
Серрэйлере,  
которая  
насчитывает  
более  
МИЛЛИОНА  
ПОКЛОННИКОВ.**



INSPIRIA

Ток. Убийство по соседству: романы  
Сьюзен Хилл; Саймон Серрэйлер

Сьюзен Хилл  
**Обеты молчания**

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44

**Хилл С.**

Обеты молчания / С. Хилл — «Эксмо», 2006 — (Ток. Убийство по соседству: романы Сьюзен Хилл; Саймон Серрэйлер)

ISBN 978-5-04-171244-0

В соборном городке Лаффертон неизвестный стрелок охотится на молодых женщин. Первой жертвой становится счастливая новобрачная, второй – девушка из клуба, третьей – молодая мать. Что связывает эти на первый взгляд случайные убийства? Киллер с винтовкой и киллер с пистолетом – это один и тот же человек? Или полиция столкнулась с двумя смертоносными снайперами? За дело берется детектив Саймон Серрэйлер, однако его отвлекает трагедия в семье. Напряжение нарастает, и каждая упущенная возможность влечет за собой новые жертвы...

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-171244-0

© Хилл С., 2006  
© Эксмо, 2006

## Содержание

Благодарности	6
Один	7
Два	9
Три	14
Четыре	18
Пять	20
Шесть	25
Семь	28
Восемь	29
Девять	34
Десять	38
Одиннадцать	40
Двенадцать	42
Тринадцать	44
Четырнадцать	47
Пятнадцать	48
Шестнадцать	50
Семнадцать	54
Восемнадцать	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59



**Сьюзен Хилл**  
**Обеты молчания**

*Для гостей со свадьбы*

Susan Hill  
THE VOWS OF SILENCE

© Susan Hill, 2006

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates and Synopsis Literary Agency

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

## **Благодарности**

*Я хотела бы поблагодарить доктора Робина Бертса, который терпеливо отвечал на все мои медицинские вопросы на понятном мне языке. Консультации Карла Ми касательно огнестрельного оружия и работы полиции были неоценимы. Ник Пето рассказал мне все, что только можно было узнать об охоте. А советы и точные наблюдения Джессики Растон всегда были прямо в цель. Если какие-то ошибки и остались, то они полностью на моей совести.*

## Один

Они лезли наверх два часа. А потом вышли под низко нависшее покрывало облаков. Начался мелкий дождь.

Он уже открыл рот, чтобы бросить язвительное замечание по поводу обещанной ясной погоды, но в этот самый момент голова Иэна чуть заметно дернулась влево. Он поднял указательный палец.

Иэн знал холмы и погоду на холмах; улавливал тончайшие изменения в направлении ветра. Он знал их лучше, чем кто бы то ни было.

Они стояли неподвижно и тихо. Возникло какое-то напряжение. Три минуты назад его не было.

Что-то есть.

Солнце вырвалось из-за туч, изобразив их в ключья. Сначала его сияние скрадывала влажная дымка, но потом оно засветило ослепительно-ярко, беззастенчиво, будто человек, выскокивший из засады. Уголки губ Иэна скривились в улыбке.

Но они продолжали стоять. Не шевелясь и не разговаривая. Выжидая.

Иэн поднял к глазам свой бинокль и медленно, очень медленно перевел взгляд слева направо.

И он ждал, наблюдая за наклоном головы Иэна, выжидającego нужный момент.

От их одежды, нагретой солнцем, начал идти пар.

Иэн опустил бинокль и кивнул.

Олени были под ними, хотя на ближайšie полмили он не видел абсолютно ничего. Но они там были, это точно. Иэн знал. Они шли осторожно, держась против ветра. Из земли здесь торчали камни, легко было поскользнуться.

Он чувствовал давно знакомое возбуждение. Эти моменты были самыми лучшими. Когда ты знаешь. Когда ты вот настолько, вот настолько близок к тому, чтобы заметить его, вот настолько близок к развязке, к цели, к кульминации всего дела.

Вот настолько.

Легчайший вздох сорвался со сжатых губ Иэна.

Он проследил за его взглядом.

Взрослый олень стоял один, на небольшом склоне строго на запад от того места, где были они. Он ничего не почувствовал – пока что это можно было сказать наверняка. Надо продолжать в том же духе.

Они улеглись и начали ползти – влажная земля под пузом, яркое солнце над головой. Их яростно атаковали мошки, неизвестно как выискивая незащищенные участки кожи под задравшейся одеждой и не реагируя на стойкий запах цитронеллы, но сейчас он был так сосредоточен, что едва замечал их. Это потом зуд будет сводить его с ума.

Они ползли еще несколько минут, спускаясь все ниже, пока не поравнялись с оленем и не оказались в паре сотен ярдов от него.

Иэн остановился. Поднял бинокль. Они ждали. Наблюдали. Неподвижные, словно два камня.

Солнце стало жарче. Ветер полностью стих.

Они очень медленно, дюйм за дюймом, преодолели еще тридцать ярдов, и эти тридцать ярдов отняли у них десять минут; они почти не двигались. Как и положено.

Олень поднял голову.

– Старик, – прошептал Иэн так тихо, что он едва услышал.

Старейший зверь. Не такой огромный, как те, что живут в низине, и без широченных рогов. Но довольно могучий. Старый. Слишком старый, чтобы пережить еще одну зиму. Он слишком уважал животное, чтобы позволить этому случиться.

Они лежали с подветренной стороны и всего где-то в ста пятидесяти ярдах. Тут олень мотнул головой, слегка повернулся и сделал несколько неуверенных шагов, но так и остался стоять спиной к ним. Они ждали.

Ждали. Солнце припекало. Он почти сварился в своей вошеной куртке.

А потом, как это обычно и бывает, олень в одну головокружительную секунду развернулся, поднял голову и поглядел в их сторону. Как будто знал. Как будто ждал его. Он занял просто идеальную позицию.

Он вытащил винтовку. Зарядил. Иэн напряженно наблюдал в бинокль.

Он аккуратно приподнялся и поглядел в прицел.

Старый олень не двигался. Теперь его голова была поднята выше, и он смотрел прямо на него.

Олень знал.

Иэн ждал, прильнув к биноклю.

Земля остановила свое вращение.

Он целился в сердце.

## Два

Темно-синий пиджак. Юбка с бело-голубым узором. Средний каблук.

Шарф? Или бусы?

Бусы.

Хелен Крид зашла в ванную и поправила волосы. Вышла и еще раз поймала свое отражение в зеркале в полный рост. Господи, она выглядела... уныло. Это было единственное подходящее слово. Как будто собиралась на собеседование.

Она сняла юбку, блузку и пиджак и начала заново.

Было очень тепло. Конец сентября, бабье лето.

Хорошо. Светло-серые льняные брюки. Удлиненный льняной пиджак. Рубашка цвета фуксии, которую она еще ни разу не надевала.

Лучше? Да. Серьги? Простые гвоздики.

На улице послышался рев, с которым Том, как обычно, сделал эффектный финальный разворот на своем мотоцикле. Рев затих. Она услышала металлический лязг опустившейся на асфальт подножки.

Всего шесть. У нее еще почти два часа – слишком рано оделась.

Хелен села на край кровати. Она была возбуждена. Взбудоражена. Она нервничала, но в этом было что-то приятное, какое-то предвкушение. А теперь – как будто упала температура. Ей было нехорошо. Тревожно. Страшно. Какой абсурд. А потом она уже не чувствовала ничего, кроме выматывающей усталости: она уже не представляла, как наберется сил для того, чтобы встать с кровати.

Хлопнула дверь на кухню. Она услышала, как Том бросил свой шлем и тяжелые кожаные перчатки на пол.

Бледно-серый лен. Новая рубашка цвета фуксии. Она даже сделала себе прическу. Ей хотелось лечь в свою постель и спать, спать, спать...

Еще через пару минут она поднялась наверх.

– О, хороший выбор, мам, – сказала Элизабет, оторвавшись от своего учебника по французскому.

Том, как и всегда после возвращения домой, стоял около тостера. Том. Он говорил, что относится к этому «нормально». Что все «в порядке». Но Хелен до сих пор сомневалась.

Хотя бы насчет Элизабет ей переживать точно не стоило – именно дочь изначально и подтолкнула ее к этому. «Прошло уже шесть лет после смерти папы. Мы не останемся здесь надолго. Тебе нужно заняться своей жизнью, мам».

Но сейчас она уловила на лице Тома выражение, которое противоречило тому, что он говорил. Что все «в порядке». «Нормально».

– Я думал, ты встречаешься с этим парнем только в восемь.

– В полвосьмого.

– Неважно.

Том намазал чуть ли не полпачки масла и огромную ложку «Мармайта»<sup>1</sup> на четыре куска хлеба.

Кухню осветило вечернее солнце. Стало теплее. Французские книги Элизабет. Ручки. Маркеры. Открытая банка «Мармайта» на столе. Запах свежих тостов. И моторного масла.

---

<sup>1</sup> Мармайт (*англ. Marmite*) – торговая марка бутербродных паст, производимых в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Мармайт представляет собой коричневую пасту с ярким вкусом и запахом; паста очень соленая. Изготавливают ее из дрожжевого экстракта с добавлением других ингредиентов.

– Я не могу пойти, – сказала Хелен. – Я не могу. О чем я думаю?

– О господи, только не надо опять, мы же уже все это проходили. Том, скажи ей, поддержи меня, ну?

Том пожал плечами.

Его сестра раздраженно фыркнула. Заложила карандашом свою «Евгению Гранде».

– Ладно, давай еще раз. Это волнение перед первым свиданием или что?

Волнение перед первым свиданием? Как можно было вообще описать словами те чувства, которые она испытывала, сидя за кухонным столом в светло-сером льняном костюме, ни разу не надеванной рубашке цвета фуксии, по меньшей мере за час до назначенного времени?

Это было пару месяцев назад, во время прогулки с Матли на Холме, когда Элизабет заявила:

– Мне кажется, ты не общаешься с людьми.

Хелен сначала не поняла. Работая в аптеке, она общалась с людьми каждый день.

– Я имею в виду не это. – Элизабет села и прислонилась спиной к Камню Верна. Был июль. Матли лежала на земле и тяжело дышала, высунув язык.

Хелен задумалась и осталась стоять, глядя сверху на Лаффертон, чтобы не смотреть на свою дочь. Она чувствовала приближение чего-то важного или каких-то изменений в своей жизни, но она не знала, чего или каких. И это ее беспокоило.

– Мам, ты не думала, что ты можешь... ну, встретиться с кем-нибудь – я имею в виду, с кем-нибудь новым. После папы. Сядь, у меня уже шею сводит.

Хелен села на сухую траву. Элизабет смотрела прямо на нее. Она всегда была такая. Хелен помнила ночь, когда она родилась: Лиззи посмотрела на нее с таким же прямым, бескомпромиссным выражением, хотя новорожденные дети вообще не должны фокусироваться. Она глядела так же в раннем детстве, когда задавала вопросы. Этот прямой взгляд голубых глаз, который держал тебя и не отпускал. И вот теперь – снова он.

– Я окажусь в Кембридже, не успеешь ты оглянуться – будем надеяться. Том уедет со своими психами-друзьями.

– А я останусь совсем одна и не смогу себя обслуживать, ты это имеешь в виду.

– Не совсем.

– А что тогда?

– Меня волнует, что ты что-то упускаешь. У тебя должен быть кто-нибудь.

– Я не хочу снова замуж.

– Откуда ты знаешь? Ты можешь не хотеть этого теоретически... пока не встретишь кого-то.

– Ну а кто сказал, что встречу?

– Если не будешь целыми днями торчать в своем закутке без окон в окружении горы таблеток – встретишь.

– Мне нравится моя работа.

– Не в этом дело. Слушай, я просто думаю, что тебе нужно занять более активную позицию по этому вопросу.

– Нет никакого «этого вопроса». Пойдем, Матли слишком жарко. И мне тоже.

Она встала. Но когда вслед за ней встала Лиззи, он никуда не делся – этот взгляд. Никак не отпускал ее. Хелен развернулась и зашагала вниз по Холму так быстро, что чуть не поскользнулась на каменистой дорожке.

\* \* \*

Она не хотела думать об этом. И не собиралась. Она была совершенно довольна жизнью. Она встретила Терри, когда ей было двадцать три, вышла за него через год, родила детей и была счастлива. Когда Тому исполнилось шесть, она снова вышла на работу, на полставки. Все было великолепно.

Когда Терри диагностировали злокачественную меланому, ей сказали, что у него есть еще пара лет, может, больше. У него было четыре месяца. Любые отношения с любым другим мужчиной казались тогда – и сейчас – невыносимыми. Когда она шла по дорожке последние несколько ярдов, она осознала, что была зла; зла и в какой-то панике.

– Я думаю... – начала Лиззи, поравнявшись с ней.

– Ну а я нет. Не надо. Это не тот разговор, который я сейчас готова с тобой вести.

Она сказала это достаточно резко, но Лиззи просто остановила на ней свой внимательный взгляд на несколько секунд и ничего не ответила.

Через два дня по почте пришла брошюра:

*«Меня зовут Лора Брук. Я управляю Агентством Лоры Брук для мужчин и женщин, которые хотят встретить партнера, отобранного для них вручную. Я не верю, что людей может свести компьютер. Я действую как друг. Я работаю только с клиентами, с которыми, как мне кажется, я могу преуспеть, и представляю клиентов друг другу только после подробного интервью и индивидуального рассмотрения. Я отдаю клиентам все свое время и профессионализм, чтобы они смогли найти...»*

Она выбросила брошюру в мусорное ведро.

На следующий день, у парикмахера, она с неприятным удивлением поймала себя на мыслях о том, не могут ли люди действительно удачно познакомиться через агентство или интернет, и что, может быть, все это не одно большое надувательство, как она всегда считала? В брачные агентства ходят тоскующие люди – тоскующие или дурные. Она могла понять – пойти куда-то, если ты, например, новый человек в городе, которому сложно завести друзей: в клуб, в спортивную секцию, на вечерние занятия. Но одно дело дружба, а это – совершенно другое. У нее были друзья. Чего у нее не было – так это времени, чтобы проводить его с ними.

Ей было сорок шесть. К тому времени, как ей будет пятьдесят, Элизабет и Том уже покинут родной дом. У нее будет ее работа, и появится больше времени для друзей. У нее будет хор св. Михаила, а еще она может присоединиться к Актерской студии Лаффертона. Может пойти куда-нибудь волонтером.

Терри невозможно заменить. Его смерть опустошила ее, и она до сих пор чувствовала себя как человек, потерявший конечность. Ничто никогда этого не изменит. И никто.

– Я не пойду, – говорила она теперь. – Я не могу.

– Можешь, и пойдешь, даже если мне придется тебя вытолкать.

– Элизабет...

– Один раз, сказала ты, только один раз, и только если кто-то покажется действительно достойным. И он достоин. Мы все согласились. Том, мы разве не согласились?

Том поднял руки вверх.

– Не впутывайте меня в это, ладно? – сказал он, вылетая из комнаты.

– Ему это не нравится, – сказала Хелен.

– Ему не нравится ничего, что не относится к его собственному странноватому миру.

Не обращай на него внимания.

– Почему ты подталкиваешь меня к тому, чего я не хочу?

– Ты *хочешь* этого. Ты хочешь выбраться отсюда, ты хочешь открыться чему-то новому. Тебе нужен новый старт.

– Это всего лишь свидание.

– Вот именно!

Часть ее знала, что Элизабет права. Хелен очень тщательно все обдумала после того, как вообще допустила эту мысль. Она боялась, что ей будет слишком одиноко, когда ее дети уедут из дома, она была слишком молода, чтобы ставить на себе крест, она хотела открыться для чего-то нового. И все же для нее встречаться с кем-то через агентство, или сайт знакомств, или по объявлению – значило признать поражение. И она не была уверена, что желает успеха. К тому же, когда кто-то в ее возрасте делал это, это было клеймо позора.

– Чушь собачья, – отвечала на это Лиззи.

Конечно, это было клеймо. Если даже – по какой-то невероятной случайности – она познакомится с кем-то через агентство и этот кто-то станет для нее важен, она никогда в жизни не сможет никому рассказать, как они встретились. Она скорее язык себе отрежет, чем признается в этом.

– Я не понимаю этого. – Но это была Элизабет. И она была ее дочерью.

– Я напишу ему сообщение, что неважно себя чувствую.

– Жалкое зрелище. Господи, мам, это одна встреча в пабе...

– В баре.

– Встреча. Разговор. На этом можно закончить. Боже, мы уже сто раз это обсуждали – если у тебя возникнет ощущение, что он серийный убийца, просто напиши Тому на телефон, и он будет там через пять минут.

– Не думаю, что он серийный убийца. Он кажется...

– Милым парнем.

– Да.

– Да.

– Ты уже должна была захотеть поскорее со всем этим покончить, ты оделась еще час назад.

– Что, слишком вырядилась?

– Нет, все отлично. Я не об этом.

Повисла долгая пауза.

– Я действительно хочу пойти. Хочу. Но не хочу. Я просто ничего подобного раньше не делала, и прошло так много лет с тех пор, как я выходила куда-нибудь с мужчиной...

Элизабет встала, обошла вокруг стола и, наклонившись, обняла ее, как будто это она была матерью, а Хелен – ребенком.

– Ты выглядишь отлично, и все пройдет хорошо. И даже если нет – то что? Что с того? Что ты теряешь?

– *«Жителей Ист-Энда»*.

– Ну, они превратились в редкостную дрянь, так что все.

Элизабет снова погрузилась в *«Евгению Гранде»*. В комнате воцарилась тишина.

– Лиззи...

– Мама, *уходи!*

Она извлекла брошюру из мусорного ведра. Но оказалась не уверена, что готова к граду вопросов от кого-то с твердым намерением подобрать ей мужчину из своего каталога, особенно учитывая то, что она не знала, хочет ли вообще с кем-то встречаться.

Так что в итоге она остановилась на сайте *peoplemeetingpeople.com*. Потому что в одном она готова была признаться. Да. Это правда – она человек, который хочет встречаться с другими людьми.

Все было довольно незамысловато. Нужно было зарегистрироваться на сайте за не очень большую, но и не очень низкую плату. Она решила сделать это однажды вечером, когда осталась одна. Можно было идти шаг за шагом. От тебя не требовалось сразу слишком много. Ей это нравилось.

Она ввела свое имя – только имя – и возраст. Следующим этапом было сузить круг «людей», с которыми она хотела бы «встретиться». *Возрастная группа*. Это было на удивление просто. Между сорока пятью и шестьдесятю. *Семейное положение*. Она выбрала: *Вдовец*. Потом: *Разведенный*. Она была не уверена насчет разведенных, но сейчас со столькими это случалось, и причины были не такие уж... какие? Гадкие? Страшные? Она не пометила только *Не женат*. Очень мало достойных мужчин остаются неженатыми после сорока пяти.

Она выбрала свое географическое положение. Немного его сузила.

*Род занятий. Профессиональная деятельность. СМИ. Социальный сектор. Административный сектор. Бизнес. Фермерство и натуральные хозяйства*. Почти все из этого. Она, наверное, найдет о чем поболтать даже с фермером. Она поставила галочки на всех пунктах.

Она ожидала, что будет больше этапов, больше вопросов, но потом ее сразу спросили, хочет ли она увидеть фотографии и краткую информацию о тех, кто подходит под ее описание.

Она пошла сделать себе кофе. Почему-то фотографии людей, настоящих людей, бесконечно уводили все это от игры, делали все более серьезным, обязывали ее.

Нет. Ни к чему они ее не обязывали. Это были просто фотографии. И, как ни удивительно, она разволновалась. Кого она увидит? Какого рода мужчин? Скорее всего, они все будут лысые. Или с огромными кустистыми бородами. Или с маленькими глазами («Никогда не доверяй мужчинам с маленькими глазами» – слова ее матери). Или с плохими зубами. Или...

Она взяла свой кофе, поставила на стол и решительно нажала на кнопку «Да».

Он был первым. Как ты можешь понять, что тебе нравится кто-то, по фотографии? Как можешь решить, что хочешь встретиться с ним?

Ему было пятьдесят два. Брюнет. И у него было теплое выражение лица. Немного застенчивая улыбка. Ничего особо выдающегося. Но хорошее лицо. Привлекательный? Да, но не сногшибательный красавец. Дело было в его выражении лица. Теплое. Внушающее доверие. Да.

Она посмотрела остальных. Одного она сразу отмела – кустистая борода. Другой был слишком старый. Вроде бы ничего, но она не могла поверить, что ему шестьдесят или меньше. Последний был нормальный. Ничего плохого в нем не было. Но она вернулась к первому, и он не шел с ним ни в какое сравнение.

*«Кликните рядом с любой фотографией, если вы хотите больше узнать об этом человеке».*

Она кликнула.

*«Фил – учитель истории в школе для мальчиков. Пять лет как вдовец, двое взрослых сыновей. В его интересы входят кулинария, крикет, книги и орнитология. Он любит свою работу, и у него много друзей, но с тех пор, как его сыновья уехали, ему не хватает особого человека в своей жизни.*

*Если вы хотите послать свой профиль и фотографию Филу, нажмите ЗДЕСЬ.*

*Если вы хотите оставить сообщение Филу, нажмите ЗДЕСЬ».*

Она нажала дважды.

## Три

- Да нет вообще такого слова «сидок»!
- *Вообще-то* есть такое слово – «сидок»!
- Ты его выдумал! Дядя Сай, он ведь его выдумал?
- Мама...
- Меня не спрашивайте, – сказала Кэт Дирбон, бросая горсть грецких орехов в миску для салата, – вы знаете, я не могу в «Скрэббл».
- В «Скрэббл» не «могут», а играют, пф!
- Сэм, сколько раз тебе говорить, что «пф» – а тем более «пф» с таким лицом – это крайне оскорбительно, и ты не должен этого произносить.
- Сэм вздохнул и повернулся обратно к доске.
- Сидок. Есть такое слово.
- И что оно тогда значит?
- Это... Способ, которым приземляются австралийские птицы эму. Они делают сидок.
- Саймон Серрэйлер поднялся, разразившись громким хохотом.
- Bravo, Сэм! Даю тебе десять очков за креативное жульничество! – Он прошелся в другой конец кухни и сунул палец в заправку для салата. – Нужно больше лимона.
- Сомневаюсь.
- И щепотку сахара.
- Почему бы тебе не сделать самому?
- А мне влом.
- Мама, дядя Саймон сказал...
- Я знаю, и это крайне некультурное выражение. Больше так не говори, пожалуйста, – Кэт бросила на своего брата суровый взгляд.
- А ты стала больше важничать. Австралия как раз для вас. Громких, важничающих женщин.
- Кэт запустила в него лист салата. Саймон увернулся. Салат влажно шлепнулся на пол.
- Господи, как мне это нравится. Нравится, нравится, нравится! – Саймон рухнул на старый кухонный диван. – Если бы вы только знали, каково это было, когда вас не было, а здесь были чужие люди, и я не мог просто прийти и...
- Ты говорил нам, – сказал Сэм, бросая фишки с буквами в зеленый мешочек на шнурке, – что это было ужасно.
- Да, где-то миллион триллионов раз.
- Значит, ты по нам скучал. Вот что получается.
- Сай, можешь открыть эту бутылку? Сэм, положи циновки на стол. Ханна...
- Мне надо в туалет, мне прямо очень-преочень надо!
- Мам, пусть она перестанет так делать, она всегда так делает, она просто хочет сбежать, чтобы ничего не делать, ей вообще не надо в туалет!
- Хватит жаловаться.
- Саймон стал рыться в ящике в поисках штопора.
- Знаешь, – сказал он Кэт, – это «очень-преочень» в духе нашего отца. Вот правда.
- Он может повидаться с нами, когда вернется. Не надо раздувать из этого трагедию.
- Ричард Серрэйлер, отец Саймона и Кэт, объявил, что будет в отпуске, когда семья Дирбон вернется из Австралии.
- Но он не ездит в отпуск. Он ненавидит отпуска. И что он будет делать на Мадейре две недели, господи?
- Принимать солнечные ванны?

– Он ненавидит солнце.

– Он просто не хочет делать событие из того, что мы вернулись после девяти месяцев отсутствия, – он хочет сделать вид, что мы не уезжали вовсе, и к тому времени, как он вернется, ощущение будет именно такое. На самом деле, – сказала она, ставя миску с салатом на стол, – оно уже такое.

– Господи, сестренка, я рад, что ты дома.

Она слегка ему улыбнулась, нагнувшись, чтобы достать рыбу из духовки.

– Крикни Криса, ладно? Он, наверное, заснул вместе с Феликсом. У Криса ужасный джет-лаг.

Но Крис Дирбон зашел на кухню, ероша себе волосы, в тот самый момент, когда она произносила эти слова.

– Кажется, я заснул, – сказал он с растерянным лицом.

– Судя по всему, Феликс тоже.

– Полчаса назад. – Он разлил вино по бокалам и передал один Саймону. – За то, что вы дома!

– В Австралии мы ужинали на улице почти каждый день. Мы устраивали барбекю на пляже. И у нас было барбекю в саду, оно шло вместе с домом. Там у всех есть барбекю – они называют их барби, как дурацких кукол Ханна.

– Тебе бы хотелось остаться там, Сэм?

– Ну да, наверное.

– А мне нет, – сказала Ханна. – Я скучала по своим друзьям, и по своим пони, и по своей кровати, и по дяде Саймону я скучала больше всего!

Сэм громко засопел сквозь зубы.

Саймон оглянул стол и посмотрел на всех них. Он чувствовал прилив чистой и невероятной радости.

– Ты получаешь больше денег, когда ты старший суперинтендант? – спросил Сэм.

– Чуть-чуть больше.

– И ты занимаешься более интересными вещами? Более важными делами?

– Иногда. Но мои действительно важные дела, как правило, бывают вместе с ГРСИ.

– Почему?

– Нас зовут именно потому, что они важные...

– Группа Реагирования на Серьезные Инциденты. Я думал, все, чем занимается полиция, серьезно.

– Да.

– Тогда я не понимаю...

– Ешь свою рыбу, Сэм.

– Когда у них не получается раскрыть дело самостоятельно, вы – их последняя надежда?

– Не всегда так. Им просто нужно больше людей, если они имеют дело с чем-то действительно сложным. Им может быть нужен взгляд со стороны, новая точка зрения, или мы можем понадобиться, когда их собственный ресурс исчерпан – причин множество. Что мне больше всего нравится в работе с ГРСИ – это то, что мы что-то *делаем*, а не просто сидим за столом. Чем выше твоя должность, тем скорее тебе придется целыми днями торчать в офисе.

– В Австралии полицейские ходят во флисовых куртках и бейсболках.

– Ты когда-нибудь видел своего дядю в бейсболке, Сэм?

– Было бы круто.

– Это, – сказала Ханна, – какой-то очень скучный разговор. Бла, бла, бла...

– Тогда иди спать. Ты не должна сидеть на взрослом ужине, если тебе скучно от взрослых разговоров, ты должна играть со своими дурацкими розовыми Барби.

Кэт вздохнула. Перепадки между ее сыном и дочерью стали еще более ожесточенными после Австралии.

Задумавшись о том, не станет ли это постоянной и мучительной особенностью их взаимоотношений, она повернулась к своему собственному брату:

– Мы тоже так друг друга задирали?

– Нет. Иво задирает меня. Я задираю Иво. Тебя – никогда.

У Кэт было два разных периода в жизни, когда она общалась с их братом-тройняшкой, который работал врачом воздушной медицинской службы в Австралии, и каждый раз после этого у нее возникало впечатление, что они как будто вообще не родственники. Иво был словно с другой планеты. Наглый, упрямый, твердолобый, жесткий. Она оба раза прощалась с ним с чувством облегчения и некоторого удивления.

– Отец, – произнесла она, не успев поднести вилку ко рту. – Я думаю, вот ответ. Это было прямо у меня перед глазами. Иво похож на отца.

– Кажется, я тебе это говорил, – сказал Крис.

После того как дети ушли спать, они открыли еще одну бутылку вина, и кот Мефисто, проскочивший в свою маленькую дверцу, устроился у Саймона на животе.

– Как этот парень отнесся к незнакомцам в доме?

– Кажется, он чувствовал себя прекрасно.

– Предатель, – сказал Саймон, поглаживая его. Мефисто наполовину прикрыл глаза. – Как они осваиваются в школе?

– Ханна влилась мгновенно, как будто никуда и не уезжала. Сэму чуть-чуть сложнее. Его класс разделили на две группы, так что он потерял пару старых друзей, и там еще новые мальчишки... но с ним все будет нормально. Сейчас все равно только спорт, спорт, спорт – он ни минуты не сидел в четырех стенах, когда мы были в Сиднее.

– А ты?

– О, я сидела в четырех стенах. Мы с Крисом работали, знаешь ли.

– Я по поводу возвращения.

– Хорошо. Отлично, на самом деле.

– Нормально, – сказал Крис. Именно он был тем человеком, кто настоял на их длительном отпуске в Австралии. Тем, кто увеличил его срок с изначальных шести месяцев до девяти. И тем, кому было тошно возвращаться. – Но, по крайней мере, по возвращении мы узнали, что должность врача общей практики получила наконец хоть какое-то признание.

– Ты имеешь в виду – в два раза больше денег, в два раза меньше работы? Никаких выездов ни ночью, ни в выходные, ни в праздники? Очень мило – понимаю.

– Сай, – взмолилась Кэт, – ты сейчас ступаешь на очень опасную территорию. У нас было так много ссор из-за этого, что мы заключили пакт: мы не обсуждаем новую форму контракта врача общей практики.

Кэт всегда была непримиримым противником того, чтобы сторонние агентства занимались ночными и выходными выездами вместо основного персонала, только если на замещающей основе, чтобы дать ей или Крису немного отдохнуть. Она вернулась, готовая сражаться за свое право навещать собственных пациентов в неурочные часы, только чтобы обнаружить, что не только Крис был против работы на дому, но и все остальные врачи общей практики в регионе. У нее больше не осталось возможности выезжать к пациентам в нерабочие часы, так что ей пришлось с горечью признать свое поражение.

«Пока что, – мрачно пробормотала тогда она. – Но я найду способ. Я не могу оставлять своих пациентов на милость какого-нибудь врача, прилетевшего из-за границы за страшные деньги, только чтобы закрыть пару ночей здесь, или, что еще хуже, кого-нибудь, кто находится на вызове в пятидесяти милях отсюда. Это небезопасно, это неправильно, это перегружает

службу скорой помощи и экстренные отделения в больницах, и это не способствует благополучию и спокойствию пациентов».

Но ссоры на эту тему становились все более ожесточенными.

Они с Крисом решили просто вернуться к работе и принять статус-кво, стараясь угнаться за переменами и заново привыкнуть к пациентам, коллегам и общей рутине загруженного хирургического отделения.

– Часто видел папу? – спросила Кэт.

Саймон скорчил гримасу.

– Приглашал его на обед в паб пару раз. Заскакивал домой, но его никогда не было. Я теперь ненавижу ездить в Галлам Хауз.

– Я знаю, что ненавидишь, но после нашего отъезда и ухода мамы ты был нужен ему гораздо сильнее.

– Я этого не заметил. Я принес цветы на могилу Марты в годовщину ее смерти. Я позвонил папе – думал, мы сможем встретиться. Он не согласился. Он никогда об этом не упоминает. Я не думаю, что он хоть раз думал о Марте с тех пор, как она умерла. Или о маме, раз уж на то пошло.

– Ты несправедлив к нему, Саймон.

– Правда?

Саймон был близок с Мартой, их неполноценной сестрой, и с Мэриэл, их матерью. Их смерти были двумя ударами, от которых, как знал и он сам, он до сих пор не оправился и вряд ли когда-нибудь оправится.

Кэт было проще. У нее был Крис, трое детей, и она сбежала в Австралию.

Сбежала? Он внимательно посмотрел на свою сестру, свернувшуюся на просевшем кухонном диване и подогнувшую под себя ноги с бокалом в руке. Она выглядела хорошо. Но называть это побегом – по крайней мере, для нее – было неправильно. Он знал, что, если бы Крис не надавил, она бы никогда не покинула Лаффертон. Кэт была как он – домоседка. Она казалась довольной и счастливой оттого, что вернулась в свой загородный дом.

Саймон закрыл глаза, поглаживая Мефисто за ухом, пока тот не заурчал как машинный двигатель. Он очень остро почувствовал, какими несчастными были месяцы, когда он был лишен убежища в этом доме и в этой семье.

Он издал глубокий удовлетворенный вздох.

## Четыре

У нее не было времени оглядеться и особо кого-то рассмотреть – людей за столами или у стойки бара, – потому что как только она зашла, он уже был там и сразу же подошел к ней:

– Хелен? Да, точно, вы Хелен. Давайте уходить отсюда, тут битком, это с самого начала была плохая идея.

Он взял ее за локоть и повел к двери. Снаружи был теплый сентябрьский вечер. Темно. Паб «*Олд Шип*» украшали гирлянды.

Это заняло десять дней. Она написала ему о себе, он написал в ответ, она отправила голосовое сообщение и получила одно от него. Ее ничего не смущало. Она чувствовала себя комфортно.

Фил предложил встретиться в пабе в центре Лаффертона. Она ничего о нем не знала, но и Элизабет, и Том сказали одно и то же: «А, он нормальный. Тебе там понравится». И вот она пришла.

– Давайте выезжать из Лаффертона. Вы знаете «*Кроксли Оук*»? Еда там хорошая, так что люди там будут, но мы хотя бы сможем слышать собственные мысли.

– Мне тогда ехать за вами?

– Что? О нет, я отвезу нас обратно, и вы сможете забрать свою машину.

План был не такой, но он увлек ее за собой, на стоянку, а потом – в темный «Пежо», застегнул ремни и умчался из города по шоссе в каком-то неизвестном направлении. Это произошло так быстро, что она не успела возразить. Пригородная дорога тонула в темноте. Один раз их обогнала машина, которая ехала слишком быстро. Потом – снова темная дорога.

– Хелен, мне так жаль... Я вас так утащил. Что вы могли подумать? Я просто не переношу переполненные бары, но основная проблема в том, что там было несколько моих студентов. Я не хотел выставлять нашу первую встречу на всеобщее обозрение.

– Нет, все нормально. Нормально.

Машина казалась новой. Пахла как новая. Она вцепилась в свою сумку. Телефон в целости и сохранности лежал внутри. Через несколько минут она бросила на мужчину осторожный взгляд, очень быстрый. Фото было достаточно удачным. Он был не такой высокий, как она себе представляла, но не был и низкорослым мужчиной. У нее был страх низкорослых мужчин.

– Что вы делали сегодня? – спросил он. – Расскажите мне.

К собственному удивлению, она рассказала. Они неслись сквозь темноту, уезжая из города, уезжая от Элизабет и Тома, от всего привычного и знакомого, от места, где, как она сказала им, она будет этим вечером, так что, чтобы успокоить тревогу, которую она испытывала, путешествуя среди ночи в машине с незнакомцем, она в подробностях расписала весь свой день.

В «*Кроксли Оук*» была особая, как будто мерцающая атмосфера, которой удается обзавестись только некоторым загородным пабам, – умиротворяющая, поддерживаемая приятным гулом приглушенных голосов. Хелен выпила содовую с лаймом, потом стакан белого вина; Фил выпил полпинты битера, а потом перешел на имбирное пиво. Они разговаривали. Только через час они заказали домашнюю ветчину с жареным картофелем и салатом; картошка оказалась плотная, порезанная вручную, а ветчина была нарублена большими кусками, сладкая, но нежирная.

Он рассказывал о трудностях, которые возникли с одной из руководительниц в его школе, – как всем приходится держаться с ней максимально тактично, как она обижает учеников. Эта тема возникла, когда Хелен рассказала ему об одной из своих коллег, которая все-

гда работала исключительно добросовестно, а в последнее время стала рассеянной и безответственной, очень сильно их всех разволновал, потому что на нее это было не похоже. Она рассказала Филу, что так и не смогла заинтересоваться крикетом, хотя очень старалась ради Тома, когда он играл в школьной команде; он продемонстрировал полное невежество в области хоровой музыки, когда узнал, что она – член хора св. Михаила.

И сейчас, когда он качал головой над одним из замечаний, которое сегодня сделала ученикам их руководительница, Хелен посмотрела на сидящего напротив нее Филиппа Расселла и испытала поразительное чувство, будто знает его всю жизнь. Как будто он всегда был рядом – знакомый, понимающий; даже когда она была замужем за Терри и растила их детей, его жизнь как будто всегда протекала параллельно, но каким-то образом была связана с ее. Это чувство испугало Хелен, и через секунду оно прошло, чтобы уступить место осознанию, что она просто хорошо проводит вечер в его компании.

– Может быть, пудинг? Кофе?

– Я бы выпила чаю.

– Хорошо, я тоже. Это здорово, что теперь ты можешь просто взять себе чаю в пабе, и никто не посчитает это странным, правда? – Он начал вставать, а потом спросил: – Хелен, ваша семья знает, где вы?

– Они знают, что я встречаюсь с вами.

Ей было неловко. Она же не могла сказать: «Да, и мой сын сейчас сидит дома и ждет звонка, чтобы в случае чего приехать и спасти меня».

– Почему вы спрашиваете?

Он засмеялся, тоже чувствуя неловкость, и пошел заказать им чая.

Паб начал пустеть, когда им удалось перестать болтать о своих семьях – о том, что ее Том был одним из тех подростков, которые пытаются найти смысл и духовный аспект в своей жизни, и что она волнуется из-за его чересчур странных друзей; что его старший сын Хью целый год преподавал в Африке, а младший, тоже Том, пошел в театральное училище – вопреки всем разумным возражениям отца.

– Но я поддержу его в любом случае. Я должен. Нужно как можно больше сделать заранее. Заранее восполнить огромный кусок их жизней без нас.

Его жена погибла во время чудовищного несчастного случая с электричеством в их доме. Он озвучил этот факт с выражением, которое явно пресекало дальнейшие расспросы.

– Уже довольно поздно, – сказала Хелен.

– Я знаю, но мы же взрослые люди. Никто не будет нас отчитывать.

– О, еще как!

Он открыл для нее дверь. «Я приятно провожу время, – снова подумала она. – Я так приятно не проводила время уже очень давно».

У машины, на теперь уже пустынной площадке перед баром «*Олд Шин*», он сказал:

– Спасибо, Хелен. Я позвоню вам, если позволите?

Сворачивая на улицу, ведущую к ее дому, и взглянув в зеркало заднего вида, уезжая, она увидела, как он стоит, ждет и смотрит.

## Пять

Мелани Дрю была так счастлива. Было очень тихо, очень спокойно, и ласковое солнце ранней осени заглядывало в окна и освещало стол, за которым она сидела с пачкой открыток с благодарностями. Она подписала две и осознала, что впереди – еще сорок две такие же.

Накануне днем сюда подъехал фургон компании *everythingwedding.com* со списком, и двум крепким мужчинам потребовалось почти сорок минут, чтобы затащить все коробки и упаковки в дом и в квартиру вверх по лестнице. Но они делали свою работу очень весело, и, когда все было закончено, Мелани заварила им чая, угостила свадебным тортом, и они подняли за нее две новые голубые кружки с белыми звездами.

А теперь она взяла конверт и написала на нем... Нет, не адрес тетушки, которая послала им сто фунтов.

Она написала:

Мелани Дрю.

Мелани Дрю.

Мелани Дрю.

Мистер и миссис Крейг Дрю.

Миссис Крейг Дрю.

Крейг и Мелани Дрю.

Крейг и...

Ну вот, испортила конверт! Но она сидела на солнце, смотрела на написанные ею слова и улыбалась. Она не могла перестать улыбаться со дня свадьбы две недели назад.

Однако медовый месяц подходил к концу, Крейг вчера вернулся к своей работе агента по недвижимости, а у нее еще оставалась пара свободных дней, но потом ей тоже надо будет снова вставать за приемную стойку «Прайс энд Фэйрбразер». Сегодня им предстоит снова открывать свадебные подарки. Квартира неожиданно оказалась совсем маленькой. В свободной комнате Крейг планировал хранить свои резиновые сапоги, водонепроницаемые плащи и куртки, варежки и так далее. Сейчас там было столько коробок, что они с трудом открывали дверь. А еще у них осталась куча упаковочной бумаги, оберточной бумаги и картонных коробок, от которых надо было как-то избавляться. Крейг очень трепетно относился к вопросам переработки и был настроен найти самый экологичный способ утилизации всего этого; Мел один раз пробормотала что-то про костер.

– Ты хоть понимаешь, о чем сейчас говоришь, Мел? Костер? Нельзя разводить костры. Они повышают уровень углерода в атмосфере.

– О. Ладно.

– Тебе стоит больше об этом думать.

– Сейчас я думаю о том, чтобы вернуть свою гостевую комнату, вот и все.

Но это была вовсе не ссора. Они не ссорились. Они договаривались о различиях.

А сейчас она улыбнулась и три раза написала на конверте «Миссис Мелани Анита Дрю».

Солнце было настолько же теплым, насколько и ярким. Окна квартиры выходили на запад, и именно так будет во время их возвращения с работы домой и большую часть вечеров летом и весной. Им повезло купить ее, еще и за такую цену, хоть они и трудились как рабы последние полгода, чтобы переоборудовать кухню, снять древний линолеум и прогнившие доски пола, содрать со стен панели под дерево из шестидесятых, перекрыть газ и все обустроить. Но это того стоило. Квартира выглядела свежей, светлой и новой, и Мелани была от всего в восторге. Замужняя жизнь, подумала она теперь. Замужняя жизнь. Они с Крейгом знали друг друга уже три года, но никогда по-настоящему не жили вместе, так что все было ново, все было весело, но время от времени и немного страшно.

Она оглядела комнату. Затем вернулась к конвертам. Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо. Темно-синий кухонный набор Ле Крейзе, бледно-голубой набор посуды от Найджелы Лоусон, фарфор с сердечками и звездочками, мягкие пушистые халаты и полотенца, настольные лампы, столовые приборы, зеркала, часы и массивный причудливый медный подсвечник, украшенный хрустальными подвесками, который она внесла в список свадебных подарков ради шутки, ведь он был настолько дорогой, что она и не думала, что кто-то действительно его купит. Ее крестная мать, которая когда-то была актрисой и любила, как она сама это называла, «небольшой ПЕРЕБОР», купила. Коробка, в которой он прибыл, смогла бы вместить новый холодильник. Когда она только пришла, у Мелани сразу появились плохие предчувствия. Крейг его просто возненавидел.

Но это было неважно. Это было смешно. Это было глупо, и она была счастлива. Счастлива, счастлива, счастлива.

Она отложила открытки с благодарностями и открыла свой ноутбук. Свадебные фотографии уже появились на сайте фотографа, так что она уже несколько раз пересмотрела их с тех пор, как они вернулись домой, упиваясь каждой деталью. Она все еще удивлялась, сколько всего она пропустила в тот день и, конечно, сколько всего случилось такого, чего она вообще не могла увидеть, – как Крейг, его брат и друзья жениха подъезжали к церкви, как из машины выходили подружки невесты и ее сестра, Гейнор, чуть не растянулась на дорожке, так что ей пришлось заново собирать букет. Они сделали замечательный коллаж из фотографий с приема, который благодаря какой-то хитрой программе постоянно двигался и менялся, пока ты на него смотришь – так что каждый раз, когда Мел открывала сайт, она видела что-то новое, чего раньше не замечала. На этот раз это было выражение лица Эдриана в тот момент, когда он готовился произносить речь шафера: оно было такое, будто его ведут на виселицу.

У нее еще было два диска с фотографиями, которые сделали их друзья, и она планировала выложить некоторые из них на собственном сайте, посвященном их свадьбе и медовому месяцу. Таким образом, некоторые члены семьи со стороны ее отца, которые не присутствовали на торжестве, смогли бы разделить с ними этот день.

Ее очень долго убеждали сыграть свадьбу в сентябре. Сама бы она выбрала май или июнь, но была шокирована, насколько плотно все забронировано на эти месяцы: сентябрь оказался самым ранним, когда они могли организовать праздник в этом году. И это оказалось для них удачным, потому что май и июнь почти целиком были холодные и дождливые, а сентябрь, в том числе и день их свадьбы, – потрясающе солнечным.

Она села, закрыла глаза и дала солнцу согреть себе лицо, вспоминая. Это было странно. Время делало удивительные вещи. Тот день прошел так быстро, почти как вспышка, но с того момента он с каждым днем все удлинялся и обрастал подробностями, так что она могла переживать его, как в замедленной съемке, снова и снова, не упуская ни одной детали. Она подумала, что Крейг, наверное, этого не делал. Не потому, что ему не понравилось – она знала, что это не так. Но такое уж у него было отношение: ладно, это случилось, все было отлично, что дальше?

Если быть честной, это не только озадачивало ее, но и слегка расстраивало.

– Ну, он же тот самый, верно? – говорила Гейнор. – Так что забудь об этом.

Если бы ей не нужно было возвращаться на работу, она легко могла себе представить, как проводит так еще очень много дней: рассматривает фотографии, разворачивает и разбирает свадебные подарки, подписывает открытки с благодарностями, а потом начинает готовить ужин со всеми этими новыми кухонными штуками. Ей нравилась ее работа. Ее компания была отличным местом, ей все там нравилось, и она прекрасно знала, что как только новизна всего этого уйдет, она с катушек слетит от скуки, сидя одна в квартире целый день. И все-таки было бы замечательно иметь в запасе еще пару таких недель.

Но сегодня было сегодня. На ужин она готовила курицу по-тайски с тремя видами овощей и цитрусом и салат с грецким орехом. Хлеб. Сыр из «*Джаст Чиз*» на старой торговой площади – новейшего продуктового магазина в Лаффертоне с кучей маленьких, очень завлекательных и очень дорогих лавочек. Она встала, чтобы посмотреть рецепт и проверить, сколько еще мариноваться курице, и тут обнаружила, что забыла купить орехи. Такого рода вещи часто происходят с людьми, когда они остаются дома на весь день, предоставленные самим себе – они ходят по магазину в расслабленной манере, а потом влетают туда снова, если что-то забывают. Их квартира была меньше чем в десяти минутах езды на машине от супермаркета на Бевхэм-роуд. Она могла бы купить орехов и бутылку вина. Бродить по супермаркету в полтретьего дня было частью веселья в эти последние дни отпуска. Было частью счастья.

Мелани посмеялась над собой, хватая ключи и перекидывая сумку через плечо. Называть счастьем поход в супермаркет в середине дня – «Все настолько плохо?» – как сказала бы ее сводная сестра-подросток Хлоя.

Хлоя. Кто бы мог подумать, что Хлоя будет так выглядеть в образе подружки невесты – с высокой прической, сияющей кожей и улыбкой до ушей. Хлоя, которая клялась, что скорее умрет, чем наденет сахарно-миндальный розовый, и которая вела себя как ангел и, казалось, выросла, чтобы стать потрясающей молодой женщиной – хотя бы на один день.

Мелани снова рассмеялась, выходя за дверь.

На улице было тихо. Солнце слишком сильно нагрело ее машину, и, поскольку у нее не было такой роскоши, как кондиционер, она открыла окна и дверь и подождала, пока она охладится. И пока она ждала, она увидела его, слоняющегося по тротуару с другой стороны дороги, в тени. Он остановился, чтобы зажечь сигарету, отвернув от нее голову.

Внезапно она подумала, что могла забыть запереть дверь на двойной замок. В этом районе орудовали грабители, целые шайки, но в основном они лазили в частные дома или в квартиры на первом этаже. Она заперла дверь на двойной замок?

Господи, неужели она превращается в одну из этих женщин, которые возвращаются по девять раз, чтобы проверить, выключен ли газ, и еще по три, чтобы посмотреть, не горит ли свет в ванной?

Нет, никогда.

Она завела двигатель и, когда опять подняла голову, мужчины уже не было.

В супермаркете она взяла экземпляр местной газеты, чтобы почитать ее за чаем в кафе. И там была она. Она даже и забыла, что они посылали им материалы.

Фотография на странице была достаточно большая, потому что в тот день было только еще две свадьбы. Это была одна из тех, где она обожающим взглядом смотрела на Крейга и которые Гейнор охарактеризовала как «Фу». Но Мел она нравилась. Ее платье смотрелось великолепно, серебряный бисер сверкал, а серебряные перья выглядели именно так оригинально, как она и рассчитывала. Она никогда раньше таких не видела. Не очень получилось с лилиями, которые ей навязал флорист. Они выглядели огромными и жесткими, их стебли были слишком длинными, и она не знала, как правильно их держать – поднять, опустить, или что. Они не выглядели как цветы, скорее как что-то рукотворное. На фотографии из газеты они прямо-таки выпрыгивали на тебя. В остальном, однако, она была милая. Она была очень, очень милая.

*Мелани Калторн и Крейг Дрю*

*Состоялась свадьба, проведенная Старшим Регистратором Кэрл Лэттер, между Мелани, младшей дочерью Нила Калторна из Лаффертона и миссис Бев Смит из Ланкастера, и Крейгом, младшим сыном Алана и*

*Дженнифер Дрю из Фоксбери. На невесте было платье без бретелек из белого трикотажного крепа с лифом, обшитым кристаллами и серебряным бисером, в волосах у нее были серебряные перья, в руках она несла букет белых калл. Ее сопровождала Гейнор Калторн, сестра невесты, Хлоя Калторн, сводная сестра невесты, и Андреа Станнارد, лучшая подруга невесты, одетые в платья с открытыми плечами цвета бордо и с букетами бежевых роз с акцентом в виде серебряных ленточек. Лили Марс, крестная дочь невесты, была цветочницей в серебряном сатиновом платье с тюлем и корзиной бордовых бутонов в руках. Мистер Эдриан Дрю, брат жениха, был его шафером, Карл Форбс и Питер Шумэйкер, старые школьные друзья жениха, были помощниками шафера, свадебный прием проходил в отеле «Малтдаун». Пара провела медовый месяц на Гран-Канарии и поселилась в Лаффертоне, где жених работает агентом по недвижимости вместе с Биддл Фрэнсисом, а невеста – секретарем у «Прайс и Фэйрбразер», адвокатов.*

Она прочла заметку дважды, потом еще раз, и на выходе купила еще шесть экземпляров газеты. В машине она отправила Крейгу сообщение, а потом поехала домой с чувством, которое испытывала в детстве, когда папа качал ее в парке изо всех сил, и она поднималась так высоко, что казалось, если она отпустит цепочки качелей с обеих сторон, то просто улетит вверх, в небеса.

Она зашла с яркой, солнечной улицы в темный квартирный холл и почти ничего не увидела. Лампочка на площадке первого этажа опять не горела. Владельцы отдельных квартир были индивидуально ответственны за освещение на своем этаже и должны были менять лампочки при первой необходимости. Мел разозлилась. Люди на этом этаже постоянно оставляли свою площадку в темноте, и это было опасно. Надо будет попросить Крейга снова дернуть их по этому поводу.

Только дойдя до своего этажа, она поняла, что забыла газеты на заднем сиденье машины. Она остановилась. Зайти, разобрать продукты и спуститься за ними позже? Сбежать прямо сейчас? Нет, зайти, бросить сумки и бежать обратно вниз.

Она открыла дверь их квартиры. Коридор был освещен ярким вечерним солнцем, бьющим из окна кухни прямо напротив прихожей. Она опустила сумки. Она вырежет две статьи и сразу же отправит бабушке и семье маленькой Лили. Одну вырежет для своего свадебного альбома. У нее будет на это время позже, когда она будет ждать, пока готовятся разные ингредиенты.

Она вылетела из квартиры и стала спускаться по лестнице почти что бегом, чуть не поскользнувшись на верхней ступеньке плохо освещенного пролета. Она нашла парковочное место в нескольких ярдах вверх по улице. Достала ключи. Газеты. Есть, на заднем сиденье. Она помахала рукой пожилой леди, которая большую часть дня сидела на своем стульчике у окна в домике напротив. Заперла машину. Она запыхалась. Потеряла форму. Пора снова доставать купальник. Столько всего надо было сделать во время этой свадебной гонки, что ее ежедневные занятия плаванием отошли на второй план. И она чувствовала разницу.

Она вернулась к дому. Потянулась к кодовому замку. Но парадная дверь была открыта. Люди с нижнего этажа часто забывали закрывать ее как следует, и это выводило ее из себя. Какой смысл ставить на парадную дверь дополнительный замок, от которого знают код только жильцы, если половину времени она все равно нормально не закрыта?

Она поплелась вверх по лестнице. Снова через неосвещенную площадку. И дальше, на свой этаж.

Лучше бы она не брала эти лилии, каллы, они закрывали собой всю фотографию – огромные, жесткие, восковые штуковины. Она была не из тех, на кого можно надавить, но тогда она уже выбилась из сил, весь день выбирая подходящие туфли, и флористу удалось найти дыру в ее

броню. Может, она заключила какую-то особую сделку по этим каллам. Определенно казалось, что их вокруг ужасно много. Их вид ей совсем не нравился, но, конечно же, они не испортили главный день. Зато они испортили фотографии.

– Забудь об этом, – сказала она себе вслух.

Она что, оставила дверь их квартиры только на защелке?

Было как-то странно.

Когда она открыла дверь.

За долю секунды Мелани Дрю поняла, что именно было странно. Несколько минут назад, когда она бросила здесь сумки, солнечный свет лился из кухни прямо в коридор. Сейчас его что-то закрывало. Там была темнота. Тень. Солнечного света не было. Странно.

Когда она приблизилась к кухне, она увидела, что свет заслоняет фигура. Потом все стало на секунду ярким, как ослепительный белый свет, в центре которого был взрыв звука.

А потом ничего.

Совсем ничего.

## Шесть

– Кэт! Я так и думала, что это ты!

Кэт повернулась, запирая машину. Хелен Криди остановилась в паре парковочных мест от нее, рядом с собором.

– Рада, что ты вернулась, альти без тебя звучат бледновато.

– Не думаю! Но *и я* рада, что вернулась. – Кэт поглядела на старые здания квартала, освещенные фонарями, стоящими вдоль дорожек. В дальнем конце – дом с квартирой ее брата; здесь – восточная стена собора, возвышающаяся надо всем вокруг. – Я ничего не пела практически год.

– Каково это было?

– Невероятно. Сложно. Странно. – Они вместе пошли к дверям Новой песенной школы, где всегда проходили утренние репетиции. Сегодня, начиная новый сезон, они приступят к работе над «Рождественской ораторией» Баха, любимейшей вещью Кэт. – Как у тебя дела, Хелен? Как Том и Лиззи?

– О, отлично. На самом деле... – Хелен нерешительно остановилась перед приоткрытой дверью. – Есть одно дело... Как ты думаешь... – Она была сконфужена и не знала точно, что хотела сказать.

– Я сейчас выступаю как врач?

– Господи, нет – если бы я хотела встретиться с тобой в таком качестве, я бы пошла на прием. Нет... Ладно, забудь об этом, пойдем найдем наши места.

– Хелен...

Но она уже вошла в зал для репетиций и поспешила в дальний конец – почти бегом и явно смущенная.

Песенная школа начала заполняться, Кэт со всех сторон приветствовали радостными возгласами, и хористы выстроились в очередь за своими нотами.

Репетиции хора св. Михаила обычно заканчивались посиделками в пабе «*Кросс Кис*» неподалеку, но, когда Кэт вышла подышать на широкую мощеную улицу, она заметила, что Хелен Криди скользнула в узкий переулок, который вел обратно в район собора.

– Хелен, а ты не останешься выпить?

Хелен обернулась.

– Мне нужно вернуться.

– Лиззи и Том недостаточно взрослые, чтобы самостоятельно лечь спать? Ну же, Хелен, поживи немного для себя.

Хелен рассмеялась.

– Для себя. – Они вернулись в бар, и Хелен втиснулась на скамью рядом с Кэт. – Забавно, что ты мне это говоришь.

– Ты хотела мне что-то рассказать.

– Да, – Хелен медленно сделала глоток содовой с лаймом. – Я не знаю, с чего начать. И не знаю, о чем именно стоит рассказать.

Кэт посмотрела ей прямо в глаза.

– Хелен?

Лицо Хелен оставалось спокойным, но шея вспыхнула и заалела. Взрыв смеха послышался со стороны группы теноров у бара.

– Ты угадала, – сказала она, – вроде как. Только я запуталась, я не понимаю, что происходит... Мне кажется, что все хорошо, и, может, мне просто не хватает уверенности...

Кэт глотнула имбирного пива. Она знала Хелен Криди несколько лет как пациента, которого редко видела, и как фармацевта, с которым периодически консультировалась по телефону. Ближе всего она ее знала в контексте хора. Но однажды она видела четырнадцатилетнюю Элизабет в первой стадии почти смертельного менингита. Теперь она вспомнила, как входила в их дом, ожидая увидеть простудную лихорадку, и как через три минуты вызванивала «Скорую помощь», молясь, что они не приедут достаточно быстро. Лиззи полностью выздоровела, и Кэт с тех пор редко видела Хелен, не считая занятий хора. Она была милой женщиной, но неуверенной и закрытой. Не такой, с которой Кэт могла рассчитывать познакомиться поближе.

И теперь Хелен сообщала ей приглушенным голосом:

– Я кое-кого встретила.

– Хелен, это прекрасно! И сколько это уже продолжается?

– Ну, в том-то и дело... Нисколько. Только вчерашний вечер. Это не то, чего я ожидала, Кэт. На самом деле это все Лиззи – она меня на это подбила. Она все говорила, что мне нужно...

– Больше общаться с людьми?

Хелен улыбнулась.

– Она была права.

– Если я расскажу тебе, что я сделала, обещаю, что не будешь смеяться.

– Даже не подумаю. Какая разница, как люди встретились? Я встретила с Крисом над трупом в кабинете анатомии.

– Тут я, конечно, тебя не переплюну. Я нашла своего рода агентство. В интернете... оно называется *peoplemeetingpeople.com*.

– И ты им воспользовалась.

– Я ничего особенно не ожидала... Ну, может найти пару друзей.

– И тебе понравился самый первый?

– Да. Так просто сложилось. Но мне казалось, что это должно занять гораздо больше времени, что мне нужно встретиться хотя бы с несколькими людьми.

– Это как пригласить несколько человек посмотреть твой дом, а потом говорить, что не будешь делать предложений, пока не придет покупатель.

– Я никогда так об этом не думала.

– А стоило. Я рада, Хелен. Друг или больше, чем друг, – это в любом случае хорошо.

– А тебе не кажется, что это... ну, делать это вот так... немного... Я ведь пока больше никому не рассказывала.

– А зачем? Это твое личное дело.

– Ну да, так и есть, разве нет?

– Ты не хочешь рассказать мне о нем?

– Мы встречались только один раз. И он позвонил мне сразу перед тем, как я пошла сегодня с вами, и пригласил меня снова провести вместе вечер. Мы идем в театр завтра. Просто мне кажется, что все происходит как-то слишком быстро.

– Ты не хочешь?

– Я не знаю.

– Что тебя беспокоит?

– Ничего. Наверное, я не ожидала, что познакомлюсь с кем-то местным – он даже живет в Лаффертоне. Я не знаю.

Хормейстер пробирался сквозь толпу в баре, чтобы поприветствовать Кэт. Она сказала:

– Ну, если ты захочешь поговорить об этом снова – позвони мне или мы можем встретиться. По мне, все звучит так, как будто тебе просто нужен человек, который подтвердит, что ты все делаешь правильно.

По пути домой Хелен слушала кассету «Дикси Чикс», которую дочь подарила ей на последний день рождения – «Чтобы ты была в курсе, мам» – и вспоминала звонок от Фила.

«Мне все очень понравилось. Мы можем встретиться снова? Я могу пригласить тебя завтра в театр?»

Да, подумала она, но не сказала. Засомневалась. Сослалась на возможную встречу со старым другом. Обещала проверить. И перезвонить ему. Положила трубку и тут же подумала, что была слишком холодна, что огорчила его, оттолкнула. Она хотела пойти, но не знала, должна ли.

Когда Элизабет спросила, все ли у нее нормально, она огрызнулась; когда Том пошутил про ее свидание, она напустилась на него.

Она свернула на Даллс-авеню, срезая путь. Дом в середине улицы тонул в огнях. Его со всех сторон окружили полицейские машины и белые фургоны, и вся его передняя часть была огорожена лентой. Хелен инстинктивно притормозила, пытаясь разглядеть, что происходит. Полицейская, стоящая у ограды, подозрительно на нее посмотрела.

Она умчалась оттуда как можно скорее, пока «Дикси Чикс» пели про странствующего солдата.

## Семь

Он помнил тот день. Он все помнил об этом дне. Но пламя, которое вспыхнуло в нем тогда, он помнил лучше всего.

«Когда мне можно будет по-настоящему пострелять?»

«Когда тебе будет двенадцать».

И вот ему исполнилось двенадцать. Ему исполнилось двенадцать.

Было холодно. У него голова болела от холода. Было такое ощущение, что от холода с его лица сошел слой кожи. Уши горели от холода. Он чувствовал только холод и безграничное счастье.

Они шли с начала десятого, спаниели бежали впереди, и оставался еще час или больше до того, как они смогут остановиться на обед. Они встали. На секунду повисла тишина. Раздался выстрел. Другой. Грачи в панике поднялись с верхушек деревьев впереди.

– Ты это запомнишь, – сказал его отец. – Это самый опасный вид охоты, с которым ты познакомишься, только если не пойдешь стрелять по фазанам. Ты идешь и стреляешь одновременно. Если ты не знаешь, что находится *за* тем, во что ты стреляешь, все может быть потеряно. Держись остальных. Смотри и жди.

Он слушал эти слова как проповедь в церкви. «*Самый опасный вид охоты*». Он повторял про себя эти слова, продолжая идти.

Он смотрел вперед, но тут его зрение уловило какое-то движение слева – бледное пятно за кустиком травы. Он остановился.

– Отлично, так и стой. Смотри внимательно, – прошептал его отец. – За ним что-то есть?

– Забор.

– Продолжай идти. Продолжай наблюдать.

Он делал, как ему велели. И тут появился спаниель, спугнувший пулей вылетевшего кролика и погнавший его перед собой, и он подготовился, прицелился и выстрелил, все за одну секунду, и его сердце билось так же, как и, скорее всего, у его добычи, и оно точно так же чуть не перестало биться, чуть не остановилось, как и у животного, которое он только что пристрелил.

– Взять!

Но собака уже была здесь, она возвращалась, несясь по полю с теплым телом, обмякшим у нее в зубах.

У него тряслись руки. Его отец взял у него винтовку – в его твердых руках она была безопаснее, – но не сказал ни слова. Забрал мертвое животное у собаки и бросил в сумку. Они побрели дальше, держа линию.

Он снова почувствовал холод. Поднялся ветер и начал хлестать по открытому высохшему полю с северо-востока, делая их плотные куртки и кепи совершенно бесполезными. Грачи снова поднялись над деревьями, поднялись и опустились. Поднялись и опустились. Но его согревал огонь восторга и удовлетворения, который горел внутри его. Ему не нужны были ничьи слова.

Он посмотрел вверх, выискивая в зимнем небе голубей, а в сухом жнивье – стаю куропадок, прислушиваясь к вхохтанью и копошению фазана, поднимающегося в воздух; он должен был стать лучше. Доказать что-то большее. Но не им. Себе.

## Восемь

– Здравствуйте, все.

Саймон Серрэйлер пошел сразу к белой доске на дальней стене переговорной.

Фотографии.

Мелани Дрю, живая и здоровая, во время своего медового месяца.

Фасад многоквартирного дома.

Кухня в квартире.

Крейг Дрю.

Тело Мелани Дрю. Целиком.

Тело Мелани Дрю. Следы пулевых ранений.

Карта местности.

– Так, слушаем меня. Мелани Дрю. Двадцать семь лет, всего две недели замужем за Крейгом Дрю. Он работает агентом по недвижимости с Биддл Фрэнсисом на Шип-стрит. Мелани работала секретарем. У нее оставалось еще три выходных дня после возвращения из свадебного путешествия. Крейг вернулся на работу. Последний раз Мелани была замечена в ТЕСКО на Бевхэм-роуд около трех тридцати. У нас есть запись с видеокамер. Она немного закупилась, взяла местную газету, выпила чая в кафе супермаркета. Потом она купила еще шесть экземпляров местной газеты. Сложенные газеты лежали брошенными в дверях кухни, прямо в дверном проеме. Они были заляпаны кровью. Камеры засняли, как она вышла из супермаркета в три сорок две и выехала со стоянки. Это все. Ее машина была припаркована рядом с квартирой, как обычно. Муж пришел домой сразу после шести – он ездит на Шип-стрит и обратно на велосипеде. Войдя в квартиру, он обнаружил тело своей жены. Она лежала вот здесь – на кухне. Рядом с дверью. В нее выстрелили дважды с близкого расстояния, одна пуля в сердце, одна в голову... сюда... и сюда. Время смерти – где-то между четырьмя и шестью. В квартире снизу никого не было, все были на работе, владельцы квартиры на первом этаже в настоящее время в отъезде. На Даллс-авеню никто не видел Мелани Дрю. Из соседних домов не поступало никаких сообщений о чем-либо или ком-либо подозрительном, но большинства людей не было дома – это одна из тех улиц, которые вымирают днем. Движения тоже особого нет, так как она не выходит на главную дорогу. Окружена она множеством таких же улиц. Взято ничего не было... Муж не может себе даже представить никого, у кого были бы причины напасть на его жену.

– А что насчет самого мужа, сэр?

– Его допрашивали. Она прислала ему сообщение о том, что их свадебные фотографии напечатали в газете.

– Мы знаем, что за оружие?

– Да. Баллистики только что сообщили. – Он оглядел присутствующих. – Это был «Глок 17 ЭсЭлПи».

По комнате прокатилось волнение, но Саймон не шелохнулся.

– Так, мне нужно все по Мелани Дрю – коллеги, друзья, все, кто был на свадьбе. Близкие друзья. То же самое по Крейгу Дрю. Как я и сказал, мы сделали подомовой обход на самой улице, но теперь нужно охватить и близлежащие – Кейлдекотт-авеню, Тайлер Роуд, Бинси Роуд и тупик в конце квартала, который называется Инкертон Клоуз. Люди, слоняющиеся по району, незнакомые машины, все как обычно. На данный момент у нас ничего нет, и я действительно имею в виду *ничего*. Через час я проведу пресс-конференцию, они должны быть на нашей стороне. Завтра у нас будут постеры, патрульные будут раздавать листовки в супермаркете, мы должны быть уверены, что все, кто вчера днем совершал там покупки, знают о случившемся. В новостях на телевидении рассказали об этом, на Радио Бев рассказали об этом в

нескольких эфирах, и они транслируют обращение по поводу информации. И я хочу копнуть глубже с Мелани Дрю: предыдущее место работы? Мы знаем, что она ходила плавать почти каждый день – пусть кто-нибудь поедет в бассейн и поговорит с теми, кто мог ее там знать. Школа. Она ходила в Сэр Эрик Андерсон до шестнадцати лет, а потом в Бевхэмский колледж дополнительного образования, так что поспрашивайте и там, и там – с кем она дружила, с кем поддерживала отношения до сих пор. Ладно, пока все, работы навалом. Спасибо.

– Иголка в стоге сена, да? – сказал констебль Уоррен Бивор, выходя из комнаты.

– Знаю, – сказал Серрэйлер. Он никогда не возражал против периодических жалоб и ворчания, если они звучали внутри здания, а не снаружи и были скорее бессознательной реакцией, нежели выражением общего настроения. – Найди хороший магнит.

– Вы будете здесь все утро, сэр? – Это была Вики Холлиуэлл, маленькая, полненькая, с вечно обеспокоенным страдальческим лицом.

– Нет. Я возвращаюсь на Даллс-стрит. А что?

– Ничего, – поспешно ответила Вики. – Просто на тот случай, если вы нам понадобится.

«Кто бы мог поверить, – подумал Саймон, быстро сбегая вниз по бетонной лестнице, – что Вики Холлиуэлл была здесь одной из самых лучших и сообразительных и время от времени выступала с оригинальными предложениями. Но только ей не хватало качества, которое обязательно понадобится при движении вверх по служебной лестнице, – уверенности в себе».

Он ехал по Лаффертону и размышлял. Позже он планировал поговорить с Крейгом Дрю, но сначала хотел провести еще какое-то время в квартире на Даллс-авеню. Он был там в вечер убийства, прежде чем тело Мелани убрали, но по своему опыту знал, что гораздо полезнее бывает оценить все самостоятельно, в одиночестве, предельно внимательно, когда сцена преступления не представляется такой драматичной, живой и ужасающей. А еще там будет не так много народу. Слишком много людей сновало вокруг, когда тело было еще на месте. Они, безусловно, выполняли свою необходимую и важную работу, но чрезмерно заряжали атмосферу и делали ее неестественной.

Он подумал о последнем своем опыте с жутким местом преступления – это было его первое дело в команде с ГРСИ. Небольшую область сельского Кента облюбовал безумный пироман. Четыре коттеджа, находящихся на территориях работающих ферм или рядом с ними, но при этом в довольно отдаленных местностях, подожгли посреди ночи. Все они были жилые, и в общей сложности погибли семь человек, в том числе двое детей, и все тела, кроме одного, обгорели до неузнаваемости. Потом запылал и пятый коттедж, и чуть не появился еще один погибший.

После трех недель работы над делом Серрэйлер был рад вернуться в Лаффертон и приступить к своим обязанностям старшего суперинтенданта и возглавить местный уголовный розыск. Он отказался от должности в Бевхэме, угрожая – и отчасти действительно имея это в виду – найти другую работу, за пределами области, если ему не предложат место в Лаффертоне. К счастью, старший констебль либо действительно приняла эту угрозу всерьез, либо сделала вид, но тема Бевхэма была закрыта.

Он притормозил, сворачивая на Даллс-авеню. Многие большие дома здесь были переоборудованы под квартиры за последние двадцать лет. Это была приятная часть города, но не самая дорогая, как, например, Соррел Драйв, на которой большинство крупных особняков сохранились в качестве отдельных жилищ. В шестидесятых Даллс-авеню была такой же. Потом она постепенно начала приходить в упадок, потому что жильцы больших особняков умирали и большое количество жилья пустовало. Когда дома переоборудовали, район снова расцвел. Серрэйлер увидел полицейскую ленту, натянутую вокруг места преступления. Он припарковался с противоположной стороны дороги, в некотором отдалении, и медленно пошел обратно, внимательно глядя по сторонам. Вот ухоженная подъездная дорожка, выкрашенный в белый

забор, подстриженная лужайка, закрытая калитка. А вот – заросшая дорожка, неаккуратно припаркованный мотоцикл. Калитки нет. Вот тут имя владельцев – Бельмонт, – а на следующем доме только номер; а после них дом сразу с несколькими именами на табличке рядом с домофоном. Он увидел кота, сидящего на белой стене и глядящего, как он приближается. Он остановился и вытянул руку, но кот спрыгнул вниз в какие-то кусты.

Было тихо. Большинство дворов были пустые, из окон никто не выглядывал – по крайней мере, ему так казалось. Люди были на работе. Кто угодно мог приехать или прийти на Даллс-авеню, остановиться, войти в дом, выйти из него через десять или двадцать минут и остаться совершенно незамеченным.

Он приблизился к дому номер 48. Одиноким офицер стоял на посту у парадной двери. С противоположного конца улицы навстречу ему ехала машина, рядом с домом она притормозила, и из нее выглянул водитель. Красно-белая лента слегка всколыхнулась, когда машина снова набрала скорость.

Саймон увидел, как «Хонда Цивик» остановилась в нескольких ярдах от него. Внутри сидели мужчина и женщина. Когда он поравнялся с ней, дверь со стороны пассажира открылась.

– Интендант?

Адам Филиппс из бевхэмской газеты. Женщина – должно быть, фотограф.

Саймон подошел. Он не считал, что обязательно нужно быть грубым по отношению к прессе и препятствовать ее работе, если они выполняют свою часть сделки.

– Привет, Адам. Боюсь, тут ничего интересного не происходит. Я просто решил еще раз здесь осмотреться – пока ушли все криминалисты, – но я сомневаюсь, что смогу сообщить вам что-то новое.

– Вы не возражаете, если я зайду с вами?

Серрэйлер кинул на него тяжелый взгляд.

– Я провожу пресс-конференцию в четыре. Я хочу синхронизироваться с местными новостями по телевизору и радио.

– У вас есть что сказать мне сейчас?

– Ничего. Я бы сказал, – уверил его Саймон, оборачиваясь, – если бы мог. Извините. Я ничего от вас не скрываю.

Адам кивнул и залез обратно в машину.

Но про себя старший суперинтендант отметил, что газетчик не уехал.

Он нырнул под ленту. Встал и огляделся. Асфальтовая дорожка. Пара кустов перед низкой кирпичной стеной. Все чисто и аккуратно. Хорошо сохранившиеся деревянные двери и окна. Парадная дверь оставалась открытой, вокруг нее были натянуты еще ленты.

Он вошел в общий холл. Опять же, он содержался в порядке. Чисто. Лестница недавно выкрашена. Тихо. Пугающе тихо.

Второй патрульный стоял у двери квартиры наверху. Скучная работа, подумал Серрэйлер. Он помнил, как сам много лет назад этим занимался. Пытаешься оставаться начеку и хоть чем-то занять свои мысли.

– Сэр.

– Доброе утро. Ничего не слышно?

– Совсем ничего. Вы хотите зайти, сэр? Тут не заперто.

– Спасибо. Да, я зайду.

Ступени лестницы, ведущей на верхний этаж, были слегка прорезинены, так что шум, с которым человек поднимается вверх, немного приглушался. Но не полностью. Все зависело от обуви.

На лестничных площадках неуловимо пахло моющим средством с ароматом хвои.

Мелани Дрю поднималась по этим ступеням. Стояла на этой площадке.

Серрэйлер открыл дверь. Из квартиры доносилась тишина – пустая, мертвая, давящая тишина.

Через несколько секунд он зашел внутрь.

Любой дом, любое помещение, в котором недавно произошло убийство, обладали особой атмосферой. Он убедился в этом за много лет и часто ее ощущал. Иногда это было чувство невероятной скорби и неподвижности, меланхолии. Иногда – страха.

Он вспомнил, как однажды вломился в роскошный пентхаус в Доклендс, сопровождая брата пропавшего человека, и ему практически ударила в лицо волна ужаса, отчетливое предчувствие столкновения с беспредельной жестокостью и чистым злом. Они оба ощутили это и взглянули друг на друга, сомневаясь, стоит ли входить.

Мужчина был связан цепями и закован в кандалы. Его подвесили к стальной потолочной балке за наручники и выпустили ему кишки. Атмосфера этой квартиры навсегда угнездилась где-то глубоко в сознании Саймона.

А теперь, когда он вошел в светлую, недавно обставленную квартиру, где застрелили Мелани Дрю, он почувствовал абсолютную пустоту. Сначала он пошел в гостиную. Потом – в большую спальню. Гостиная спальня была завалена коробками и упаковками, на большинстве была маркировка *www.everythingwedding.com* с дополнительной информацией: «Кремовая лампа с абажуром» или «Темно-синие полотенца, набор из 2 шт.», или «Трио кастрюль – Синие».

Его шаги эхом отдавались от отполированного деревянного пола.

Криминалисты оставили следы своего присутствия на кухне – очертания фигуры, обведенные мелом, белые круги, бумажки с пометками. Пол был заляпан кровью, стены испачканы и забрызганы, как и ножка стола и край стула. Но он странным образом не чувствовал... ничего. Ничего. Ни борьбы, ни страха, никаких проявлений человеческого. В этой квартире мог бы никто никогда и не жить. Она не давала никаких подсказок – никаких мельчайших намеков на то, кто был здесь и почему.

Это были самые худшие дела – убийства без очевидного мотива, без свидетелей, без зацепок к чему-либо или кому-либо. Если только они не обнаружат ДНК, не принадлежащую ни жертве, ни ее мужу. От этого веяло холодом, безнадежностью, бессмысленностью, пустотой.

Пустотой.

– Более семидесяти процентов убийств совершаются партнером или близким членом семьи, – сказал Серрэйлер констеблю на посту, который кивнул в ответ и спросил:

– Мне закрыть дверь, сэр?

– Спасибо. Да, так и сделайте.

Выйдя на улицу, он позвонил в участок, новому сержанту.

– Грэм? Где Крейг Дрю?

– Остался у своих родителей, сэр. Он дал нам адрес – Оук Роу, 6, Незер Энд, Фоксбери.

– Встретишь меня там через полчаса?

– Сэр.

Грэм Уайтсайд работал в Лаффертоне шесть месяцев с лишним, перейдя к ним из Темз Вали. Саймон не очень хорошо его знал и еще не составил о нем определенного мнения. Хотя надо было. С тех пор как ушел Натан Коутс, он не поддерживал близких отношений ни с кем из офицеров уголовного розыска, и ему этого не доставало. Он был из тех, кто любит работать, планировать и думать в одиночестве, но в полевой работе ему нужен был хороший коллега: умный, на одной с ним волне, верный и надежный. Натан – теперь инспектор в Йоркшире – был именно таким. У него с женой был сын, крестник Саймона, Джо, и они ждали второго

ребенка. Надо было бы собраться и повидать их, но в данный момент Йоркшир был так же далек от него, как Луна.

Было двадцать минут первого. Бабье лето. Листва поникла, но оставалась такой же густой и почти не меняла цвет. Он выехал из Лаффертона за город. Фоксбери. Милый поселок, один из последних с работающими фермами, с несколькими огородами, без обширного нового строительства.

Оук Роу была на самом его краю – улица всего в шесть коттеджей. В последнем жили работники близлежащей фермы. Он был очень похож на коттедж, который пироман из Кента поджег первым. Серрэйлер помнил едкий запах сгоревшего здания, вид обуглившихся балок и стропил. Там погибли два человека.

Но эти коттеджи были недавно побелены и прямо-таки сияли. Номер 6 на самом деле состоял из двух особняков, номер 5 и номер 6, объединенных в один. За ними расстилалось свежевспаханное поле с видом на Старли Тор.

Сад был расцвечен лилиями и хризантемами, поздними розами. Снаружи было припарковано две машины. Когда Серрэйлер остановился рядом с ними, он заметил резкое движение в окне второго этажа.

Из-за угла улицы появилась машина сержанта Грэма Уайтсайда.

## Девять

Комната в задней части дома представляла собой старомодную застекленную веранду, выходящую в сад. Дверь в это душевное помещение под стеклянной крышей, пропускающей солнце, была открыта. За широкой полоской травы с двумя цветочными клумбами виднелся загон для кур, по которому сейчас суетливо расхаживали пять-шесть пестрых петухов, и клетка – похоже, что для хорька. А за забором – поля, ограды, деревья и Старли Тор.

Крейг Дрю сидел на плетеной кушетке и смотрел прямо перед собой, как будто любуясь садом и видом. Но Серрэйлер знал, что он не видит ничего, что его взгляд направлен внутрь, в глубину и темноту. У него были густые вьющиеся волосы, узкое лицо. Его глаза выглядели помертвевшими и ввалившимися. Он давно не брился. Его руки свисали между колен, ногти были сгрызены. Старший суперинтендант видел его на свадебных фотографиях – счастливого, обнимающего Мелани за талию, во фраке с серебряным поясом и темно-синем галстуке. Симпатичный, уверенный в себе молодой человек.

Его отец принес им кофе в кружках и тарелку с разными пирожными, которые теперь стояли перед ними на столе из ротанговой пальмы: липкая розовая глазурь и толстый слой шоколада сразу начали таять от жары. Это был пятидесятилетний человек, который выглядел на двадцать лет старше. У него было обветренное, морщинистое лицо. Он как будто съежился в своей рубашке с открытым воротом и брюках. Он оставил угощение и ушел, тронув своего сына за плечо. Два хорошо обученных спаниеля послушно вертелись у его ног.

Где-то очень далеко землю вспахивал трактор, то начиная мерно тарыхтеть, то замолкая.

– Я этого не понимаю, – сказал Крейг Дрю, не поднимая глаз. – Я ничего не понимаю.

– Мистер Дрю, мне жаль, что я вынужден быть здесь и снова допрашивать вас. Я понимаю, насколько это неприятно. Мы хотим выяснить, кто убил вашу жену. Вот почему я здесь. Это единственная причина. Вы это понимаете?

Молчание.

– Вы не арестованы, вы не под подозрением. Вы можете попросить нас уйти в любой момент, и нас здесь не будет. Но в ваших собственных интересах попытаться нам ответить.

Молодой человек издал долгий, отчаянный, мучительный вздох. Он вытер лицо руками, потом запустил их в волосы. Выпрямился. Он не смотрел ни на Серрэйлера, ни на сержанта, а прямо в окно, по-прежнему в никуда.

– Я разговаривал с остальными. Они это не записали?.. Нет, подождите, у них был диктофон. Почему вы не послушаете пленку? Вы все оттуда узнаете.

– Я хочу спросить у вас некоторые вещи сам. Я слышал запись, но иногда некоторые моменты становятся более понятны при личной беседе. И, возможно, вы что-то вспомнили?

– Если бы вспомнил, господи!

Он наклонился, чтобы взять кружку с кофе, но у него так тряслись руки, что жидкость пролилась, и он поставил ее на место.

– Я просто хочу, чтобы вы вспомнили еще раз, какой вам показалась ваша жена в то утро. Я понимаю, это очень больно, но это важно. Все было как обычно?

– Нормально. Все было нормально. Она была... Мы только поженились две недели назад.

– Я знаю.

– Ей хотелось, чтобы мне не надо было возвращаться на работу – у нее самой еще оставалось три дня выходных. Мне и самому этого хотелось. Мы думали поехать в Бевхэм вместе, она хотела кое-что присмотреть – занавески, и... Мы хотели, чтобы у нас был такой день. Но больше ничего такого не было. Она выглядела нормально. Замечательно. Моя жена выглядела замечательно.

– У нее были серьезные отношения непосредственно перед встречей с вами? – рявкнул Грэм Уайтсайд совершенно внезапно.

Крейг пораженно на него посмотрел.

– Я... у нее были парни. Разумеется, были.

– Нет, я имел в виду конкретно – серьезные отношения.

– Я не знаю. Не сразу до меня. Она рассталась с парнем по имени Нил... Но это было за несколько месяцев... мне кажется. Я не знаю. Вам нужно... – он резко уронил голову и уставился в пол. Его руки по-прежнему тряслись.

«Вам нужно спросить ее», – про себя закончил за него Серрэйлер. Уайтсайд разозлил его, но он позволил ему придерживаться своего стиля допроса.

– Почему вы должны были выйти на работу раньше ее?

– Я уже сказал. У нее еще оставалось несколько дней отпуска.

– Я не это спросил. Почему *вы* должны были выйти раньше? Наверняка вы смогли бы договориться о еще нескольких днях?

– Ладно, – резко сказал Серрэйлер. – Кажется, с этим все понятно.

Сержант кисло поглядел на него и взял еще одно пирожное.

– Крейг, – мягко сказал Серрэйлер. – Я понимаю, что вы снова и снова задавали себе этот вопрос, но я вынужден спросить вас еще раз... Есть ли кто-нибудь, у кого существует хотя бы малейшая причина захотеть причинить вред вашей жене? Кто-то из прошлого, из ее района – может быть, даже из какого-то очень далекого времени? Она когда-нибудь упоминала, что боится кого-то?

Он покачал головой, все еще глядя вниз.

– А что насчет ваших соседей по дому? Вы знаете, кто живет в других квартирах?

Крейг долгое время молчал. Потом он медленно поднял глаза. Казалось, что он был где-то очень далеко. Что он глубоко спал. Он выглядел так, будто не знает, кто эти люди напротив него, где он находится и что случилось.

Но он ответил:

– Нет. На первом этаже живет пожилая пара. Я не знаю, как их зовут.

– Брайан и Одри Перкисс. – Сержант достал свой блокнот и перевернул страницу. – Это они?

Крейг покачал головой.

– Вы не знаете? Даже фамилию? Она у них на звонке. Вы не обращали на это внимания? Как давно вы купили квартиру? – Он закидывал молодого человека вопросами, и они обрушивались на него как беглый огонь.

Серрэйлер снова вклинился.

– Мы поговорили с вашими соседями. Тем днем никого не было дома. Брайан и Одри Перкисс были в отъезде. Дом был пуст. Но кто бы ни вошел в дом и ни поднялся в вашу квартиру, он либо знал код от замка, либо позвонил по домофону. И Мелани либо впустила его из квартиры, либо спустилась, чтобы открыть ему.

– Она бы не открыла, – сказал Крейг в тот же самый момент, когда сержант произнес:

– Или ей. Ему или ей.

Серрэйлер проигнорировал это.

– Крейг?

– Кому бы она открыла дверь? – произнес Крейг.

– Ну, подруге. Или сестре? Или сводной сестре? Должно быть множество людей, которых она с удовольствием пригласила бы подняться в квартиру.

– Да, конечно... Разумеется, они были, но... Не те, кто хотел бы убить ее. Не люди с оружием.

– Она бы этого не знала, верно? Она ведь не знала бы, что у этого человека есть оружие.

Он снова покачал головой.

– Я бы хотел, чтобы вы подумали как следует... Нам нужны любые, даже самые мелкие моменты, которые могут прийти вам в голову и показаться связанными со случившимся. Или просто странными.

– Какого рода?

– Что-нибудь, что она говорила. Человек, которого она могла упоминать. Или, может, она вспоминала какое-нибудь событие?

– Я не знаю.

– Подумайте еще, Крейг.

– Где ваш офис? – спросил Уайтсайд.

– Шип-стрит.

– И целый день вы были там, да?

– Большую часть – да. Я уже говорил.

– Мне не говорили. Вы были там весь день?

На этот раз Крейг Дрю посмотрел через стол на Серрэйлера, как ребенок, который ищет защиты у родителей.

– Крейг, пожалуйста, поймите, что нам нужно знать все – чтобы это отставить и уже об этом не думать. Вы обедали в вашем офисе?

– Да. Я пошел к Дино, это кафе через улицу. Я взял сэндвич и кофе. Еще я купил банан, если вас это интересует. Я взял их с собой и съел за своим столом.

– Кто-то еще с вами был? – спросил Уайтсайд.

– Да. Трое... нет, нас было даже четверо. Мы обычно остаемся в офисе на обед... Иногда кто-то из нас показывает клиенту объект... Тогда на демонстрацию уехал Стив. Остальные были там.

– А потом?

– Я нагонял. Меня долго не было, так что я пропустил много сделок – что продали, что появилось... Нужно быть в курсе. И по своим объектам, и по чужим...

– Весь день? Вы утверждаете, что вы были там *весь* день?

К чему агрессия? – Серрэйлер не мог этого понять. Почему Уайтсайд обращался с Крейгом Дрю как с главным подозреваемым? Бывали моменты, когда требовался жесткий вопрос, но это был явно не один из них.

– Нет. Я поехал встретиться с клиентом – показать объект... Это было в новом районе в Сайдерхолс.

– Как его зовут?

– Ее. Мисс Брэдфорд...

– И мисс Брэдфорд это подтвердит?

– Я не знаю... Наверное... Я не знаю, что случилось.

– Случилось?

– Она не появилась. Я поехал туда и прождал полчаса, и она не пришла. Я не мог связаться с ней по телефону, так что вернулся в офис – это было уже примерно половина шестого. Так что я просто взял велосипед – я езжу на нем на работу – и отправился домой.

– Как вы добирались до Сайдерхолс?

– Я взял одну из машин – у нас есть несколько корпоративных автомобилей. Я не мог проехать на велосипеде весь путь туда и обратно, тем более это выглядело бы непрофессионально.

– Уж наверное. Удивительно, что мисс Бедфорд...

– Брэдфорд.

– Ах да, мисс Брэдфорд – звучит так, будто ей самое место на конкурсе Мисс Великобритания, да? Удивительно, что она не пришла, не оставила вам сообщение, вы не могли с ней связаться. Так странно. Вам не кажется?

– Нет. Такое случается. У нас бывают те, кто просто тратит наше время.

– А, понятно. Значит, она такая? Эта невидимая женщина?

За всю свою профессиональную жизнь в качестве старшего офицера Саймон Серрэйлер никогда не отчитывал младшего офицера в присутствии гражданских лиц. Он старался не делать этого даже в присутствии коллег, хотя иногда это бывало необходимо. Но он как никогда был близок сейчас к тому, чтобы сделать выговор Грэму Уайтсайду в присутствии Крейга Дрю и его отца, который снова зашел, чтобы предложить еще кофе, и так и остался стоять в дверях, когда они отказались.

Крейг посмотрел на своего отца. В его глазах стояли слезы. Его лицо пылало. Но прежде всего он выглядел обескураженным. Он не понимал, почему его так долго мурыжат, что значат эти вопросы, что он сделал плохого.

«Ничего, – хотел сказать старший суперинтендант, – вы вовсе не сделали ничего плохого». Потому что он в это верил. Крейг Дрю не убивал свою жену. Если раньше у Саймона еще и были какие-то сомнения – и то только тень сомнений, – теперь их не осталось. Крейг Дрю не был убийцей.

Он поднялся. Уайтсайд еще несколько секунд сидел, доедая очередное пирожное.

– Мы остановимся на этом, Крейг. Спасибо вам за сотрудничество, и мне правда жаль, что мы сюда пришли. Вы понимаете, что нам, возможно, понадобится задать вам новые вопросы, если появится какая-то информация? Если будут новости, то мы, разумеется, свяжемся с вами. У нас есть фотография вашей жены, и в городе появятся постеры, как мы вам и говорили. Вас это, вероятно, расстроит, но нам это может очень помочь. Люди задумываются, когда видят постер, они что-то вспоминают и часто приходят к нам.

– Вы должны сделать это, – сказал Крейг заплетающимся языком. – Вы должны. Я понимаю.

– Спасибо. Спасибо вам за кофе. О, и если вы захотите поговорить со мной, или вспомните о чем-нибудь, что может показаться нам полезным, вот моя карточка, там мой номер, рабочий и мобильный. Даже не задумывайтесь, сразу звоните мне.

Рука Уайтсайда потянулась к тарелке с пирожными, но под тяжелым взглядом Серрэйлера он с недовольным видом убрал ее в карман и вышел из дома вслед за ним.

## Десять

Они договорились провести день вместе еще месяц назад. У Лиззи уроки по четвергам заканчивались в три, а Хелен взяла на работе отгул.

Все утро она занималась тем, что разбирала свою одежду. Она распределила ее по трем кучам: что она никогда не надевала, что она надевала редко и что она надевала часто. Внезапно набралось три мешка вещей, которые можно было отдать на благотворительность, один – чтобы отнести на помойку, и один – чтобы сдать в химчистку. Все остальное, вычищенное и возвращенное на вешалки, отправилось обратно в шкаф, где образовалось многообещающее свободное пространство.

Она встретила Элизабет у школьных ворот – впервые за бог знает сколько лет, – и они поехали в Бевхэм. Через три часа и кучу сумок с покупками спустя они, вернувшись в Лаффертон, пили кофе с поджаренными булочками в новой пекарне в Лэйнс.

Все это время Хелен удавалось держать разговор в русле одежды и обуви, иногда сворачивая в сторону поступления в университет и девочки, которая ходила за Томом как хвостик.

В пекарне было тихо. Наплыв посетителей – покупателей из соседних магазинов, офисных работников, молодых людей, женщин, встречающихся за ланчем, – происходил с момента подачи первого утреннего кофе в 10:30 и длился до полудня, когда особой популярностью пользовался чай. После семи случался еще один. А сейчас только несколько человек сидели за стойкой. Они заняли столик на приступке у окна с видом на Лэйнс, в конце которой виднелся собор. Хелен чувствовала себя довольной – довольной тем, что она с дочерью, довольной покупками, довольной всем.

– Ладно. Выкладывай, – сказала Лиззи, ложкой убирая пенку с капучино.

– Что выкладывать?

– Ну, что-то ведь случилось. Ну же.

Упираться было бессмысленно. Лиззи слишком хорошо ее знала. Лиззи была первой, кто сказал: «Он понравился тебе, да? Все получилось, да?» – через две минуты после того, как Хелен пришла домой в конце вечера, проведенного с Филом. «Хорошо», – все повторяла она. «Хорошо», – как будто она слышала что-то еще.

А еще она пришла из школы на следующий день и объявила, что ее друг, брат которого учится в школе, где преподает Фил, назвал его «приличным» и «не тупым».

– Не особо радуйся. Это настолько нелепо, что я даже не уверена, что он всерьез.

– *Что случилось?*

– Он позвал меня на ярмарку!

– О. Боже. Мой. Ты шутишь!

– Очевидно, нет. Учтывая то, что он позвонил мне десять минут назад и сказал, что это не так. Что он не шутит.

– На самом деле... Я думаю, это довольно мило. Да, это и правда мило! Вы можете есть вместе сахарную вату и держаться за руки в комнате ужасов, и он может выиграть для тебя одного из тех розовых кроликов с торчащими зубами за стрельбу по мишеням.

– Спасибо огромное.

– Ты же пойдешь, правда?

Хелен задавала себе этот вопрос несколько раз, так и не придя к окончательному ответу. Дело было не в ярмарке. С этим все было нормально. Ярмарка – это ярмарка, вне зависимости от того, с кем ты туда идешь, и если бы она не умела получать от них удовольствие, то была бы пропащим человеком. Но она чувствовала, что если пойдет с Филом, то она определенно пересечет черту между единоразовой дружеской встречей и...

И тем, ради чего она изначально обратилась в интернет.

– Мам?

– Ну конечно же, я пойду, – сказала она, вытирая масло с губ. – И я хочу еще один эспрессо.

## Одиннадцать

Он был взволнован. Он лег спать в том же лихорадочном возбуждении, что и в детстве накануне Рождества. Он проснулся с тем же огромным комом в груди, вспомнив, какой сегодня день.

Идеальная погода и не думала прекращаться. Огромные луны. Туманные рассветы. Жаркие дни. Прохлада, устанавливающаяся после шести вечера.

Они выйдут на уголья в Кландайне, в пятнадцати милях к западу от Лаффертона. Они всегда выходили туда на последнее соревнование сезона. Лесистая местность, холм позади, спуск к озеру, все было идеально. О радушии организаторов нечего было и говорить. Спонсоры были очень щедры. Но в этом было и что-то большее. В финальном туре соревнований случилось все. Для него это было не просто приятное времяпрепровождение на природе и хороший обед. Он настраивался на победу. Он всегда настраивался на победу. Он был настроен на победу с тех пор, как впервые начал стрелять по глиняным голубям.

Он приехал рано. Еще шла подготовка. Это была площадка для английской спортивно-охотничьей стрельбы с восемью стендами на десять птиц и недавно установленной высокой будкой с машинкой, выпускающей по сто птиц. Лучшее, на что можно было надеяться. Мишени будут симулировать высоко летящих фазанов, очень высоко летящих фазанов, несущихся в разные стороны голубей, мелькающих куропаток и еще множество других, по-разному взлетающих и двигающихся, птиц. Другого такого испытания просто не было.

Люди, работающие на спонсоров, натягивали баннер между двух столбов. Возводился шатер, где будут подаваться угощения. Один за одним по полю подъезжали «Лэнд Роверы», полные девушек и ящиков со столовыми приборами.

Он пошел обратно к машине. Облокотился на капот и смотрел, смотрел, впитывал в себя атмосферу, выбирал точку обзора, изучал фон, смотрел, смотрел. Адаптировал все под свой глаз.

Рядом с ним возникли еще два участника. Он кивнул им. И продолжил смотреть, смотреть. Через минуту он отойдет от будки на сотню ярдов, взглянет издали, вернется. Продолжая смотреть. Он поворачивал руками. Покрутил головой из стороны в сторону. Остаться легким. Остаться гибким. Остаться расслабленным.

Он использовал 32-дюймовую двустволку. Ту же, что он использовал последние три года. Три года, в которые он выигрывал.

Он отошел от машины. Спокойно зашагал в сторону будки, не переставая смотреть и смотреть. Вращая руками.

Но потом он предусмотрительно зашел в шатер, взял на завтрак булочку, горячий бекон и грибов у улыбающейся блондинки, пошел к общему столу, поговорил, посмеялся, социализировался. Он не хотел, чтобы его называли одиночкой. Одиночек не любят. Им не доверяют.

Не одиночкам с оружием.

Он откусил свежую белую булку, и от вкуса соленого горячего бекона его рот наполнился слюной.

– Значит, в этом году снова чемпион, да? – сказал Роджер Барратт, похлопывая его по плечу.

Он проглотил еду. Покачал головой.

– Очередь кого-нибудь другого. Кажется, я уже свое получил.

Все рассмеялись. Но он никого не пригласил составить ему компанию.

Они уже начали разбредаться по углам шатра. Днем будет жара. И ясно. Голубое небо. Стрелять – в сторону северо-востока. Идеально.

Он вышел – легкий, спокойный, расслабленный, свободный. Уверенный.

## Двенадцать

– Раффлс!

Но собака уже опередила его и вся тряслась от восторга у двери. Фил Расселл рассмеялся, снял с крючка поводок и положил ладонь на дверную ручку. И застыл. Ретривер смотрел на него, застыв на месте, зная, но не смея признать, что да, он был дома, и да, они сейчас пойдут гулять. Да!

Фил открыл дверь.

Во время учебного года Фил брал с собой собаку на утреннюю двухмильную пробежку. После обеда приходил сосед и гулял с ним. Но именно периодические совместные выходы человека и собаки ближе к вечеру, когда они уезжали на машине из Лаффертона за город, были для них самыми приятными. Они не позволяли им обоим сойти с ума.

И сейчас он сворачивал на главную дорогу и ехал на восток, в сторону Дарнуэлла. В этом направлении текла река. Ее берега окаймляли аккуратно подстриженные ивы.

Он приезжал сюда пару раз в неделю долгие годы, с Раффлсом и своим предыдущим псом. С тех пор как он привык к жизни без Шейлы, Фил научился получать удовольствие от собственной компании. В конце концов, он видел достаточно людей в течение рабочего дня. Ничего не изменилось.

Все изменилось.

Какое-то время он постоял на склоне, с которого открывался вид на реку, а потом бросил мяч. Он хотел научить Раффлса ходить «под ружьем». Собака сорвалась с места и нырнула за мячом, достала его и пулей полетела назад, и только когда она начала бежать чуть медленнее, возвращаясь с мячом в зубах и задыхаясь от радости и усталости, Фил уселся на траву. Раффлс компанейски лег рядом с ним, спрятав влажный мяч себе под морду. Это был очередной жаркий день. Над водой мельтешила мошкара.

Все изменилось.

Он не знал, верит ли он в любовь с первого взгляда. Ему много месяцев понадобилось, чтобы удостовериться в своих чувствах к Шейле, зато, как только он удостоверился, следующий шаг – женитьба – дался ему легко и просто. Только в последний год он начал допускать идею найти кого-нибудь снова, и обычно он сразу вытеснял ее из своего сознания.

Но эта тяжелая зима действительно потревожила его: зима, когда он оказался один, ведь Хьюго был в Африке, а Том – слишком увлечен своим актерством. У Фила был внутренний ресурс. Существовало много чего, что могло его порадовать. Зима – это время охоты на фазанов. Но остаться «одному» теперь как будто бы стало значить «в одиночестве». И эта мысль не отпускала его.

Он пошел в паб встретиться с Хелен Криди в надежде по-дружески выпить и найти себе компаньона для периодических походов в театр. Хелен Криди. Он увидел ее и понял так отчетливо, как не понимал со времен Шейлы, что она станет для него важна. Что она изменит его жизнь. Что...

Стоп. Он увидел, как цапля, хлопая крыльями, поднялась над водой, повесив лапы так же нелепо, как грациозно она на них стояла.

Стоп.

Хелен Криди. Что? Он перебирал в голове слова, наблюдая, как собираются и разлетаются буквы. Такие слова, как «Радость». «Друг». «Красивая». «Веселая». «Умная». «Хорошая». «Разговор».

Как «Милая». «Понимающая».

Как «Компания». «Хороший слушатель».

Как «Влечение».

«Любовь».

Стоп.

Что такое любовь? Он любил Шейлу. Конечно же, любил, хоть любовь и менялась с каждым годом, как она обычно и делает. Ранняя любовь. Невероятная любовь. Теплая любовь. Оберегающая. Семейная. Родительская. Ежедневная. Дружеская. Счастливая. Тревожная. Мучительная. Отчаянная. Осиротевшая любовь. Скорбь.

Он любил Хью и Тома. Это было другое.

А что это было сейчас? Влечение. Симпатия. Удовольствие. Радость.

Любовь? Тени становились длиннее. Облако мошек сгустилось и, гудя, опустилось ниже над водой.

Брак.

Компания. Дружелюбие. Облегчение.

Брак. Партнерство.

Любовь.

Он встал и предложил Раффлсу еще раз бросить мячик, но пес убежал.

Любовь.

Он позвонил Хелен и позвал ее на ярмарку импульсивно, ради смеха. Она посмеялась. Согласилась. Ради смеха.

В Бевхэмском репертуарном театре ставили *«Вечеринку с коктейлями»*.

– Я не смотрела пьес Т. С. Элиота уже несколько лет!

– Их сейчас особо не ставят.

– Как Кристофер Фрай – вышел из моды. А жаль.

– И Джон Уайтинг.

– Я обожала Джона Уайтинга! Сейчас о нем никто даже не слышал.

– Значит, *«Вечеринка с коктейлями»*?

– Да, пожалуйста.

Любовь?

Что-то изменилось. Что-то. Он думал о Хелен по пути домой, пока Раффлс дремал на заднем сиденье.

Любовь?

Он был в смятении. То, к чему он подошел так нерешительно, что едва позволил себе сделать, теперь вывернуло его наизнанку, и у него не было ни опыта, ни знаний, ни эмоциональных ресурсов, чтобы обратиться к кому-то за помощью. Внутри его словно бушевала буря – буря беспокойства, сомнения и даже сожалений о том, что он вообще все это начал.

Ему не нужны были сложности, ему нужен был кто-нибудь, с кем можно время от времени сходить в театр.

Сходить в театр и повеселиться на ярмарке.

## Тринадцать

– Вы хотите сказать нам, что у вас совсем нет подозреваемых?

Серрэйлер никогда не думал, что можно достигнуть чего-нибудь, обманывая прессу, хотя иногда сам просил их скрывать правду по разумным причинам.

– Да.

– Значит, муж не рассматривается?

– Нет.

– Проблема нелегального оружия в Лаффертоне усугубляется?

– Не особенно. С другой стороны, проблема нелегального оружия усугубляется по всей стране.

– И это точно известно, что использовался пистолет? Вы знаете, какая модель?

– Да, но пока я не могу больше ничего рассказывать. Что ж, на сегодня это все. Я дам знать сразу же, если мы получим какие-нибудь новости, а пока буду очень признателен за содействие. Пожалуйста, постарайтесь как можно шире осветить убийство Мелани Дрю – кто-то должен что-то знать или, может, видел или слышал что-то. Нам нужно освежить людям память. Спасибо.

Выходя из комнаты для брифингов, Серрэйлер краем глаза заметил, как Грэм Уайтсайд пробирается сквозь толпу журналистов к одному из репортеров из Бевхэма, который иногда продает информацию национальной прессе.

– Кто-нибудь попросит сержанта Уайтсайда зайти ко мне в офис?

– Сэр.

Поднимаясь на этаж, где располагался уголовный розыск, он раздумывал над тем, что скажет. Уайтсайду это не понравится. Но он не оставил ему выбора. По лестнице взлетела сержант.

– Сэр, в доме по Мэй Роуд стрельба. Мужчина удерживает женщину в заложниках. Звонок поступил только что.

– Поехали.

Она села за руль. Серрэйлер взял свой телефон. Когда они выехали со стоянки участка, патрульная машина с вооруженными полицейскими уже была в пути.

– Что нам известно?

– Прохожий услышал ругань, доносящуюся из дома, а потом крики. Один выстрел. Мужчина подошел к окну и начал размахивать чем-то похожим на пистолет. Другой рукой он держал за шею женщину. Потом он ее оттащил. Вот и все.

– Есть какие-нибудь имена?

– Нет, сэр.

– Кто живет в доме?

– Это арендованная собственность, принадлежит мистеру Тео Монаидесу.

– Ему принадлежит много собственности в этом районе. Жильцы?

– Джоанна Уотсон. Проживает там пару месяцев.

– Одна?

– Они еще проверяют. В офисе Монаидеса говорят, что да, одна, но соседи утверждают, что видели, как приходит и уходит мужчина.

Машина завернула за угол, будто касаясь земли всего двумя колесами. Серрэйлер скривился. Но сержант была первоклассным водителем. Она профессионально вырулила на главную дорогу и обогнала два автобуса. Старший суперинтендант зажмурился.

Когда они доехали до Мэй Роуд, которая находилась в нескольких улицах от того дома, где убили Мелани Дрю, там царил обыкновенный для таких случаев цирк. Прямо перед небольшим пригородным домом уже выжидала пресса, сдерживаемая полицейской лентой.

– Соседи явно не гнушались тем, чтобы отвечать на звонки, – сказал Саймон, выходя из машины.

Трое патрульных держали оборону, и сержант испытал явное облегчение, увидев Серрэйлера.

– Вы старший следователь, сэр? У нас ничего не происходит, больше выстрелов не было – если это был выстрел.

– Кто сообщил о нем?

– Женщина, выгуливавшая свою собаку. Живет вон там, дом номер 17. Кажется, верить можно. Она остановила водителя, он тоже увидел в окне мужчину с пистолетом, а потом, через несколько секунд, – с женщиной. Позвонил нам с собственного мобильного телефона.

– Он открывал окно, выкрикивал что-нибудь?

– Нет, шеф.

– Старший инспектор Серрэйлер? – к нему подошел старший офицер специальной патрульной машины, сам автомобиль был припаркован в нескольких ярдах.

Саймон ввел его в курс дела.

– Что вы хотите делать?

– Ждать. Просто посмотрим, сможем ли мы установить какую-то коммуникацию.

– Хорошо. Сигнализируйте нам.

Саймон сделал шаг назад и посмотрел на дом. А потом ушел в противоположном направлении, чтобы подумать.

Внутри специальной патрульной машины ждали шесть человек.

– Всегда, черт возьми, одно и то же, – сказал Стив Мэсон. – Сначала несешься как угорелый, а потом сидишь тут прохлаждаешься.

– Скорее всего, водяной пистолет, – сказал Дункан Хаулиш.

– Или чья-то тень.

– Или его собственная рука.

– Дети. Чаще всего дети.

Но они все равно ждали с напряжением, они были наготове, взбудораженные, жаждущие действия. Их к этому готовили, готовили действовать, а 90 процентов своего времени они тратили на бездействие.

Клайв Раули посмотрел на свои ноги.

– Разобраться бы с этим поскорее... – глухо пробормотал он.

– Может, это связано с тем, другим, – сказал Стив.

– Каким? С Мелани Дрю? – Клайв посмотрел на него.

– Как только на улицах появляется психопат с пистолетом...

– Кто говорит, что он психопат?

Клайв стал ковырять заусенец на своем пальце. Они продолжили переговариваться. Он предпочитал сохранять молчание. Быть наготове. Не то чтобы все остальные не были наготове, но они слишком много болтали.

В машине было жарко.

Стив перекачивал жвачку во рту, с одной десны на другую, по кругу, с влажным чавкающим звуком.

– Ливерпуль выигрывает три–ноль, – сказал кто-то.

– Будет ничья. У них нет нападающих.

Разговор прекратился. И возобновился опять.

- Сюда надо кондиционер.
- Твоя жена должна родить на этой неделе, да, Тим?
- На следующей. Она уже на пределе. Жара ее доконала.
- Какой это, третий?
- Да, третий в списке.

Правая нога Клайва Раули зачесалась у него в ботинке. Это была одна из тех вещей, которая способна свести с ума – когда у тебя что-то чешется, а достать ты там не можешь. Ведь стоит расшнуровать ботинки, в ту же минуту раздастся свисток.

Пять минут спустя, когда Саймон быстрым шагом возвращался назад со сформулированным планом, дверь дома отворилась, и оттуда вышел мужчина с поднятыми руками, мотая головой. За ним шла молодая женщина, она вцепилась ему в руку, сквозь слезы повторяя, что ничего такого не случилось, он ничего не сделал, это была ссора на пустом месте.

Оружием оказался игрушечный пистолет пятилетнего сына женщины.

Внутри специальной патрульной машины воцарилось кислое, раздраженное настроение. Их к этому готовили. Их вызвали. Заставили напрячься. Они, не выбирая выражений, высказали друг другу все, что думают по поводу этого очередного ложного вызова, очередной потраченной на безделье смены.

Перед домом двое констеблей сворачивали полицейскую ленту. Улица опустела. Цирк уехал.

– Нужно штрафовать людей типа этих – за то, что тратят наше время. Я думаю, тысяча будет в самый раз, – сказала сержант по дороге обратно в участок.

– У «людей типа этих» нет тысячи фунтов. Сейчас дело усугубляется тем, что застрелена молодая женщина, а мы не нашли убийцу. Думаешь, мы должны были проигнорировать это?

Она вздохнула.

– Это проблема – все стали слишком нервными. Игрушечный пистолет, бог ты мой!

Он решил оставить эту тему. Они все теперь будут ворчать до конца смены, не только патрульные из специального отряда. Они все понимали, что будет еще очень много инцидентов подобного рода, прежде чем они поймут настоящего убийцу Мелани Дрю, потому что никто теперь не захочет рисковать. Любой намек на подозрение будет вызывать истерическую реакцию.

Он поднялся в свой кабинет. На его столе появились новые бумаги, и ему еще нужно было составить отчет по поводу сегодняшнего происшествия. Было двадцать минут седьмого. Отчет займет у него пятнадцать минут или около того, а бумаги могут подождать до завтра.

Его отец вернулся с Мадейры накануне вечером. Саймон подумал, что ему стоит съездить к нему, предложить сходить куда-нибудь вместе выпить. А потом это даже может привести к ответному приглашению на ужин – в том невероятном случае, если Ричард Серрэйлер будет находиться в благодушном настроении после своей заграничной поездки.

## Четырнадцать

Когда ему было четыре, он сказал своей маме, что женится на ней, а как только она перестала смеяться и заверила его, что это невозможно, потому что она уже занята, он решил, что тогда женится на Стефани, но его сестра заявила, что ненавидит мальчишек, а его – больше всех, и на этом тема была закрыта до тех пор, пока в пятнадцать лет он не встретил Аврил.

Он грезил об Аврил Пикеринг. Он думал о том, в какой момент сможет пригласить ее на свидание, потом – в какой момент он сможет устроиться на работу и начать копить деньги, в какой момент они смогут обручиться, в какой момент он накопит достаточно, чтобы купить дом, и они смогут пожениться. Он все это расписал в цифрах, по столбцам, очень подробно. На бумаге, как ему показалось, все выглядело неплохо. Даже отлично. А потом Аврил Пикеринг стала гулять с Тони Финчером. Он видел их – как они шли по Порт-стрит, держась за руки. Он возненавидел Аврил Пикеринг. Не Тони Финчера, как ни странно. Это была не его вина. Ее.

Он планировал что-нибудь ей сделать, заставить ее пожалеть, но прежде чем он решил, что это будет, наступили летние каникулы, а когда они вернулись в школу в сентябре, Аврил Пикеринг уже не было. Пикеринги переехали. Сканторп – говорили одни; Лондон – говорили другие. На самом деле никто не знал.

После этого он встречался еще с несколькими девушками. Четырьмя или пятью. Обычные девушки. Ничего особенного. Он начал задумываться, вокруг чего столько шума. Он сказал Стефани. Она рассмеялась. Он сказал папе в один из дней, когда они ходили на охоту. Его отец долго на него смотрел, а потом ответил, что в каком-то смысле он прав. Вокруг чего столько шума? Действительно.

А потом он встретил Элисон, которой его представил на тот момент жених Стефани. Который вскоре стал мужем.

И все изменилось. Элисон.

Он сидел в одиночестве, крутил в руках пинту и вспоминал, потому что за стойкой оказалась новая девушка, и ее звали Элисон, и все снова вернулось в центр фокуса. Стало отчетливым. Он слышал Элисон. Видел ее. В мельчайших деталях. Он мог вернуться к этому как к фильму, крутящемуся у него в голове.

Не то чтобы он когда-то забывал. Но когда что-то случалось – то же имя, мимолетная ассоциация – все возвращалось. В цвете. Отчетливо.

Он допил свою пинту медленно, постепенно, чтобы загасить ярость, которая всегда загоралась в нем. Искры. Порыв ветра. Огонь, выходящий из-под контроля, который годами ничего не могло затушить.

Но потом он нашел.

## Пятнадцать

Галлам Хауз. Было уже темно, когда он подъехал к дому в конце улицы. Свет из окон падал на подъездную дорожку.

Саймон остановился. Было все еще тяжело. Для него все еще было мучительно приезжать в этот дом, зная, что он не увидит свою мать, что Мэриэл не будет ничего подрезать, пропалывать или подстригать в саду, что он не встретит ее на кухне или за ее столиком у окна небольшой гостиной. Сейчас он видел ее перед собой. Очертания ее головы, прическу, которую она всегда носила, то, как она поднимала взгляд, и выражение ее глаз при виде него.

Она не всегда оказывалась на месте, если он приезжал без предупреждения. Несмотря на то что ее профессиональная карьера в качестве консультанта в клинике завершилась и она вышла из нескольких комитетов, она все еще в чем-то участвовала, где-то попечительствовала – и часто вне дома. Но когда она была здесь, она сразу находила для него время, присаживалась, слушала, узнавала у него новости. Семья – это первое и последнее, всегда. Так она говорила.

Саймон очень сильно скучал по ней, и его тоска до сих пор оставалась острой и болезненной. Он думал о ней, ему постоянно хотелось рассказать ей о том и о сем, спросить о чем-то или о ком-то.

Он снова посмотрел на дом. Огни горели ярко и гостеприимно. Но его отец так и не смог научиться внушать членам своей семьи чувство, что они – дорогие гости.

Кухонные шторы были не задернуты, и, когда Саймон вышел из машины, его сердце дрогнуло, потому что там была она, он видел ее. Видел, как она стоит перед шкафом с поднятыми руками, доставая что-то сверху. Видел так же четко, как и две каменные вазы с белыми геранями, которые она сама в них сажала, у парадной двери.

Он быстро отвернулся, испуганный до ужаса. Как его мертвая мать могла быть там?

И когда он посмотрел снова, разумеется, ее там не было.

– Саймон? Я что, пропустил от тебя сообщение? Не помню, чтобы ты говорил, что приедешь.

– Я был неподалеку. Подумал, что могу заехать и узнать, хорошо ли ты провел отпуск.

– На самом деле да.

Пройдя за своим отцом на кухню, Саймон снова краем глаза заметил ее – она стояла спиной. Только прическа у нее была новая. Ее волосы всегда были зачесаны вверх и уложены. Очень элегантно. Она всегда была элегантна. Даже в поношенной одежде для работы в саду – элегантно.

Мэриэл умерла. Она умерла уже...

– Здравствуйте.

Он обернулся.

Ее волосы выглядели по-другому, и она была гораздо моложе. Но она была высокая, как его мать, и говорила в той же манере. Так странно.

– Не думаю, что вы встречались. Джудит Коннолли: мой сын Саймон, – Ричард сделал паузу, и в его голосе зазвучали привычные нотки сарказма. – Старший суперинтендант, детектив Серрэйлер. Он полицейский.

– Я знаю, – сказала она. Улыбнулась. Подошла к нему. Протянула руку. – Здравствуйте, Саймон. Я очень хотела с вами познакомиться.

Пахло едой. Что-то булькало на плите. С тех пор как умерла его мать, кухня отчасти лишилась своей теплоты и тех деталей, которые делали ее такой особенной. На подоконниках раньше всегда стояли цветы и комнатные растения; к пробковой доске были прикреплены раз-

ноцветные бумажки, на которых Мэриэл голубыми чернилами, строгим наклонным почерком записывала себе напоминания о разных встречах; на полках с кулинарными книгами соседствовали музыкальные партитуры и их детские фотографии вместе с новыми снимками сына и дочери Кэт, которые попадались то тут, то там. Но растения погибли и новыми их не заменили, музыка отправилась к Кэт; некоторые фотографии опрокинулись и свернулись по краям. Пробковая доска висела пустая. Саймон ненавидел заходить на кухню. В этом месте тоска по матери становилась невыносимой.

А теперь он заметил алые герани на подоконнике, аккуратно высаженные в горшки с подставленными под ними блюдцами. На столе стояла неоткрытая бутылка вина. Бокалы.

Что все это было?

– Я так понимаю, ты виделся со своей сестрой? – сказал Ричард.

– Конечно. Они вернулись и полностью обустроились. Это замечательно.

– Я позвоню Кэтрин завтра.

– А тебе не кажется, что лучше заехать, а не звонить им, Ричард? Они наверняка с нетерпением ждут встречи с тобой.

Саймон перевел взгляд с женщины на своего отца и обратно. Ричард сказал:

– О, я сомневаюсь в этом. – Но он улыбался.

– Вы не останетесь на ужин, Саймон? Я сделала куриный пирог, которым можно целую семью накормить. Я всегда слишком много готовлю.

Кто это? Что она здесь делает, почему готовит на маминой кухне, приглашает его поужинать, говорит его отцу, куда он должен поехать, с кем должен увидеться? Кто это?

Она протянула ему бутылку вина.

– Не могли бы вы открыть ее? – Она улыбнулась. У нее была теплая улыбка.

Ей было – сколько – почти пятьдесят? Высокая. Светло-русые волосы с несколькими аккуратно уложенными прядями посветлее. Прямые. Очень строго подстриженные. Розовая рубашка. Бусы из огромных миндалевидных камней. Очень большой рот. Немного искривленный нос. Кто это?

Его отец спросил:

– Мы поедем здесь, или мне накрыть в столовой?

– Здесь так уютно. Саймон, оставайтесь. Мы не будем досаждать вам фотографиями из отпуска.

Отпуска?

Его отец избегал его взгляда.

Саймон взял бутылку и пошел к ящикам за штопором. Но он уже был у нее в руках. Она протянула его ему.

Ее взгляд говорил: «Не спрашивай сейчас. Позже. Он расскажет тебе позже. Я прослежу за этим».

Он взял у нее штопор. Она улыбнулась.

Высокая. Но не как его мать. Не его мать.

На месте его матери. В ее доме. На ее кухне. Готовит на ее кухне. Не его мать.

Он с усилием выдернул пробку из бутылки.

## Шестнадцать

Вечерний воздух пах кострами. Кэт Дирбон шла к восточному входу в собор в сгущающихся сумерках, и дым от горящих веток, разносимый ветром, рождал в ней ностальгию по детству, школьным портфелям, ее первым годам в качестве младшего врача, когда она через всю больницу неслась из своего кабинетика на вызов пациента, а дворник сжигал во дворе листья. И по ее матери в саду Галлам Хауза, такой высокой и элегантной в своих джинсах, хоть ей было уже за семьдесят, сгребавшей высохшие остатки летней живой изгороди в пылающее сердце маленького, аккуратного и безопасного костра.

Кэт на секунду остановилась, у нее перехватило дух от живости этого воспоминания, и ей захотелось оказаться сейчас там, сделать кружку чая, поболтать, обменяться новостями.

Собор был тих, неподвижен и почти опустел к концу дня. Служки меняли свечи в огромных подсвечниках у высокого алтаря. Кто-то подметал пол в глубине, за кафедрой, и прутья с шуршанием царапали камни.

Службы не было. Кэт должна была занести письмо в Новую песенную школу. Она всегда пользовалась возможностью посидеть в соборе несколько минут, когда могла, чтобы сконцентрироваться, поразмышлять и даже иногда мысленно привести с собой своих пациентов с их проблемами, чтобы оставить их в мире и святости собора. Она только-только вернулась к практике. Появились новые пациенты, старые возвращались с новыми проблемами, но пока ничего особо драматичного. Ее энергия уходила на то, чтобы бороться с некоторыми нововведениями, учиться работать с другими, сражаться с системой. Крис, пока до конца не оправившийся от продолжительного джетлага, отказывался спорить, отказывался искать компромиссы и был непривычно раздражителен. Но она была решительно настроена победить хотя бы на одном фронте, настроена выезжать на некоторые ночные вызовы и навещать своих пациентов, когда они больше всего в ней нуждались. Все должно было устроиться.

Она закрыла глаза. Ее мама снова была здесь, она поддерживала огонь, подкладывая туда палочки и сухую траву.

«Что бы ты сделала, мам?» И голос ответил: «То, что мне подсказывает моя профессиональная совесть, разумеется – усмиренная здравым рассудком. И не называй меня “мам”!»

Кэт улыбнулась. Услышала шаги, раздавшиеся в проходе рядом с ее скамьей. Подняла голову и кивнула службе. Запах плавящегося свечного воска настиг ее, призрачной волной прокатившись по нефу. Она склонила голову, помолилась пару минут и ушла, остановившись только, чтобы взглянуть на величественно раскинувшийся над ее головой сводчатый потолок и каменных ангелов на верхушках колонн, дующих в свои позолоченные трубы.

Она скучала очень по многому, когда они были в Австралии, а по этому собору, наверное, больше всего.

Когда она вышла навстречу теплому вечеру, ее телефон сигнализировал ей о сообщении из отделения.

*«Срочный звонок Имоджен Хауз от Карин М»*

Карин Мак-Кафферти. Последний раз она разговаривала с Кэт еще до Австралии, но потом прислала пару имейлов. Она сообщала, что здорова, все еще здорова, снимки чистые – через два года после поставленного диагноза! – и что онколог из Бевхэмской центральной «приятно поражен и удивлен». «Могу поспорить, к тебе это тоже относится!» – заканчивала свое письмо Карин.

Карин отказалась от любого классического лечения поздней и агрессивной формы рака груди и пустилась, вопреки всем убедительным рекомендациям Кэт, в путешествие по миру разных холистических, натуральных, альтернативных видов медицины – как давно всем знакомых, так и, как называл их Крис, «мракобесных». Муж Карин ушел от нее и жил с другой

женщиной в Нью-Йорке, но ее карьера ландшафтного дизайнера и садовода процветала, как и она сама. Несмотря на объективные факты и все медицинские доводы, она выздоровела и оставалась здорова.

Крис называл это статистической погрешностью, Карин – триумфом. Кэт одновременно и радовалась, и... злилась. Ей было сложно это обсуждать – поэтому она ответила на последнее письмо Карин очень кратко.

А теперь она пораженно смотрела на сообщение в своем телефоне.

Она пошла к машине, набирая на ходу сообщение. Она предупреждала Криса, что едет в хоспис. *«Возьми карри в холодильнике».*

Насколько сильно врачу хочется доказать свою правоту, если это подразумевает страшную болезнь и смерть пациента? Как сильно Кэт хотелось одновременно и чтобы Карин поняла, что она глубоко, целиком и полностью заблуждается, и чтобы она оставалась здорова? Что бы сказала на это ее мать? Ей отчаянно хотелось это узнать, но образ Мэриэл в ее воображении уже перестал быть таким живым. Мэриэл отдалялась. Она оставляла ее, чтобы Кэт разобралась с этим сама. «Я тебе не нужна», – слышала она ее слова.

Господи, но ведь нужна, думала Кэт, застыв на месте, боясь ехать в хоспис, не желая знать, что происходит с Карин, и ощущая в воздухе последние следы аромата сожженных листьев.

Имоджен Хауз. Здесь тоже произошли изменения. Новое крыло было достроено, прежние старшие медсестры ушли на пенсию, пару других, которых Кэт хорошо знала, повысили, появилось несколько новых. Но Лоис за вечерней стойкой регистрации была все еще здесь, и она поприветствовала Кэт теплым взглядом и дружескими объятиями. Именно Лоис была первой, кого видели пациенты, прибывающие в хоспис ночью, – обычно настолько же восприимчивые, насколько и безнадежно больные. Лоис встречала родственников, которые были испуганы и расстроены. Она делала все, чтобы они почувствовали себя как дома в ее любящих и заботливых руках. Лоис всегда была улыбочивой и позитивной, но никогда – слишком веселой. Лоис помнила все имена и пыталась впитать в себя столько тревоги и страха, сколько могла.

– Карин Мак-Кафферти? – сказала Кэт.

– Поступила на прошлой неделе. Она отказывалась кого-либо принимать, но сегодня спросила, вернулись ли вы.

– Как она?

Лоис покачала головой.

– Будьте готовы. Но дело не только в ее физическом состоянии, которое на самом деле улучшилось после того, как мы разобрались с болеутоляющими. Кажется, она очень зла. Я бы даже сказала, обижена. Никто не может до нее достучаться. Может быть, вам повезет.

– Может быть. Я догадываюсь, из-за чего она злится. Однако я удивлена, что она захотела увидеть меня – Карин очень гордая, она не захотела бы терять лицо.

Зазвонил телефон.

– Люди, – сказала Лоис перед тем, как взять трубку, – ведут себя непредсказуемо. Вы знаете это так же хорошо, как и я. Невозможно угадать, что на кого как повлияет. Она в комнате 7. – Она взяла трубку: – Имоджен Хауз, добрый вечер, это Лоис.

Ощущение мира и спокойствия, которое всегда испытывала Кэт, проходя по тихим коридорам хосписа ночью, пришло к ней сразу, как только она вышла из зала регистрации, хотя из нескольких палат доносились голоса и кое-где горел свет. Кто бы как ни относился к смерти, думала Кэт, на любого человека здешняя атмосфера оказывала воздействие – это отсутствие спешки, какого-то шума и суеты, неизбежных в обычных больницах.

Она повернула в крыло Б. Здесь комнаты с 5-й по 9-ю группировались вокруг общего пространства с креслами, низкими столиками и двойными дверьми, ведущими на террасу и в сад. Пациенты, которые чувствовали себя достаточно хорошо, днем сидели здесь, или их вывозили на каталке или даже в койке, чтобы они насладились хорошей погодой. Но сейчас двери были закрыты и помещение пустовало.

Или так казалось. Когда Кэт направилась к комнате 7, кто-то сказал:

– Я здесь.

Карин Мак-Кафферти сидела на стуле, который ближе всех располагался к зашторенным окнам. У стула была высокая спинка, и он был отвернут в сторону света. Кэт поняла, что не заметила ее не только поэтому, но и потому, что Карин, которая никогда не была высокой, теперь, съезжившись на этом стуле, выглядела совсем как ребенок.

Кэт подошла к ней и хотела нагнуться, чтобы обнять, но Карин одним движением уклонилась и отодвинулась от нее.

– Я боялась, что умру, – сказала она, – прежде чем ты вернешься домой.

Смотря на Карин в свете лампы, стоящей в углу, Кэт понимала, что это вполне могло случиться. Плоть, казалось, едва покрывала ее скелет, кожа приобрела мертвецкое прозрачное сияние и бледность. Ее пальцы на подлокотнике выглядели как желтые кости, оплетенные синими веревками вен. Ее глаза казались огромными в глубоко ввалившихся темных глазницах.

– Не надо злорадствовать, – сказала она, тяжело глядя на Кэт. – Не надо торжественно объявлять о своей победе.

Кэт пододвинула к ней один из стульев.

– Ты очень плохо обо мне думаешь, – сказала она. – Мне жаль.

Глаза Карин наполнились внезапными слезами, и она отчаянно замотала головой.

Кэт взяла ее за руку. Она почти невесомо легла в ее ладонь.

– Послушай – все оказывается ерундой. Рано или поздно. Все. Мы даже приблизительно не знаем столько, сколько прикидываемся. Ты делала то, во что верила, и это подарило тебе время – причем хорошее время, а не то, когда ты постоянно оправляешься от побочных эффектов лечения, остаешься без волос, вечно чувствуешь тошноту и усталость и восстанавливаешься после серьезных хирургических операций. Ты нашла в себе смелость отказаться от классического пути. И для тебя очень долгое время это работало. По поводу чего мне торжествовать? Ты могла пройти операцию, химио- и радиотерапию и умереть через шесть месяцев. Никаких гарантий.

Карин слабо улыбнулась.

– Спасибо. Но ерундой оказалось *это*. И меня это злит, Кэт. Я верила, я правда искренне верила, что это излечит меня навсегда. Я верила в это больше, чем во что бы то ни было в жизни, и это подвело меня. Это была ложь. Они лгали мне.

– Нет.

– Я все равно умираю – а я не должна была умереть. Я должна была оставаться здоровой. Я думала, что победила его. Так что я чувствую себя жестоко преданной, и если меня спросят, стоит ли идти той дорогой, которую выбрала я, то я отвечу: нет, не надо, не стоит. Не надо тратить свои деньги, энергию, веру. Расходовать свою веру ни на что. Тут нет ничего хорошего.

Слезы закапали на руку Кэт, и теперь Карин сама наклонилась вперед, чтобы Кэт ее обняла.

Никто не может до нее достучаться. Может быть, вам повезет. Вот что сказала Лоис.

Кэт чувствовала, как хрупкое тело Карин сотрясается от страшных рыданий. Она ничего не говорила. Тут нечего было сказать. Она просто обнимала ее, позволяя выплакать всю усталость и боль, разочарование и страх.

Это заняло много времени.

В конце концов Кэт помогла ей дойти до постели, отправила сообщение домой, взяла им обеим чая и вернулась к Карин, которая была такая же белая, как и наволочки на ее высоких подушках, изможденная, но спокойная.

– Ты связывалась с Майком?

Рот Карин сжался.

– Нет, не связывалась.

– Может быть, он хочет знать?

– Тогда пусть хочет дальше. Я оставила это позади.

– Ладно. Это твое дело.

– Дело в том, что... – Карин с сомнением замолчала. – Я хочу поговорить об этом. О смерти.

– Со мной?

– Ты знаешь, что случилось с Джейн Фитцрой?

Джейн была капелланом в Имоджен Хаузе и священницей в соборе.

– Нет, но я могу выяснить. Она уехала в монастырь – я взяла адрес, прежде чем улетела в Сидней, – и, если она уже не там, может быть, они знают, куда она отправилась.

«Саймон может это знать», – подумала она, но вслух не сказала.

– Мне нравилась Джейн. Мне хотелось бы поговорить с ней.

– Я сделаю, что смогу.

– Постараюсь не умереть раньше времени.

Кэт поднялась.

– Хочешь, я еще приду повидать тебя?

– Если сможешь привести Джейн.

– А если не смогу?

Карин отвернулась в другую сторону.

Через минуту, не говоря ни слова и больше не дотрагиваясь до нее, Кэт тихо вышла из комнаты.

Ее телефон завибрировал, приняв новое сообщение, пока Кэт шла по двору Имоджен Хауза.

«Чувствую себя паршиво иду спать. Сай здесь злой как собака. Поторопись. хх».

## Семнадцать

Десять минут седьмого. В этом конце города тихо. Офисы закрыты. Магазины закрыты. И «Севен Эйсес» не откроется до восьми. Масса времени.

Время идеальное. Рассчитано безупречно.

Пол старого зернохранилища выглядел ненадежно, но он был там уже дважды, и все оказалось гораздо лучше, чем он ожидал. Он прошелся по балкам и доскам. Проверил. Там явно обитали древооточцы. В воздух поднималась пыль. Но он не проломился под его весом.

Вечернее солнце согрело его. Там, где летом свили гнездо ласточки, виднелись остатки соломы и белые кляксы. Они находят дыры в крышах. Он поднялся по старой пожарной лестнице с задней стороны здания. Подошвы его кроссовок были густо смазаны полиэтиленовой пеной. Следов не будет.

Тут пахло деревом, пылью и сухостью. Спереди на временном ограждении висела табличка «НА ПРОДАЖУ. ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ». И так в половине Лаффертона. Старая фабрика лент. Здания у канала. Старые оружейные склады. Теперь это. Лаффертон менялся. Апартаменты, бутики, современные офисы.

Он не возражал. Не был сентиментален. И все равно не здесь родился. Даже не близко.

Он пришел сюда три дня назад, в это же время. Взглянул на пустую улицу. Машина вызвала вопросы, но через зернохранилище не проходила ни одна важная дорога, так что эта часть города оставалась в запустении. Скоро будет иначе. Но пока что она оставалась в запустении. И это ему подходило.

Он оставил дверь за собой открытой.

Он повторил свою проходку уже дважды. Сначала надо бесшумно пройти через открытый чердак зернохранилища, потом в дверь, закрыть ее за собой, потом по веревке, закрепленной на пожарной лестнице. Это самое быстрое. Он хорошо лазал по веревкам – никто этого не знал – по веревкам и брускам. Научился лет в восемь-девять. Когда был маленьким. Ловким. С сильными руками.

За старым комплексом зданий было две дороги, по которым он мог убежать. Одна тропинка вела к каналу, она была запущенна и заросла деревьями и кустами, так что ему пришлось пройти по ней несколько раз. Он воспользуется ею, проторив себе узкий проход, а потом бегом спустится к берегу. Просто. Вторая, гравийная, дорожка вела на улицу.

Фургон был припаркован на соседней улице, Фостер-роуд, посередине.

Д. Ф. Строукс. Водопровод. Центральное отопление. Официальная регистрация. 07765 400 119.

Весь дом кишел наряжающимися девушками. Мини-юбки, фартуки медсестер, школьные блузки, полосатые галстуки. Клэр Пескод была Леди Годивой: ее собственные длинные волосы дополняли искусственные локоны, а одета она была в телесное трико. Ее будущая подружка невесты была священницей, а еще одна девушка – ковбойшей, и они втроем, хихикая, бились за место перед зеркалом.

Мать Клэр сказала со смехом:

– Я свой девичник провела в пабе. Твой папа и его шафер появились сразу перед закрытием.

– Мам!

– Да это неважно. Мы отлично провели время.

– Мы тоже отлично проводим время. Когда приедет лимузин?

– В десять минут восьмого.

– Слишком рано.

– Мам, Пейдж говорит, что десять минут восьмого – это слишком рано.

– Ну, перенести ты все равно уже не сможешь.

– Ой, помогите.

Больше, больше всего! Тушь, блески, блеск для губ. Нарисованные татуировки. Значки с надписью «Клэр выходит замуж».

Семь. Семь тридцать.

– Боже милостивый! – сказал ее отец, с опаской обходя толпу девушек в холле. – Не подходите ко мне, от меня воняет маслом! – И, уже направляясь в душ, добавил: – Хорошо проведите время, девочки. И ведите себя прилично!

Половина улицы вышла, чтобы посмотреть на лимузин. Белый. Черные окна. Шампанское. Конфетти. Шофер.

– Ведите себя прилично!

– Будьте хорошими девочками!

– Будьте осторожны!

Лимузин развернулся, медленно и вальяжно, посреди улицы. Перед ним останавливались автомобили. Сигналили. Мужчина слез со своего велосипеда. Овчарка от возбуждения чуть не сорвалась с поводка.

Шампанское.

– За тебя, дорогая.

В машине они осыпали ее розовыми лепестками, спрятанными под юбками и в карманах, весело хихикая и глядя сквозь затемненные окна на Лаффертон.

Он ждал два часа. Спокойно. Ни о чем не беспокоясь. Иногда поглядывая в отверстие в нескольких дюймах левее одного из заколоченных окон. Доски на окнах изъели черви, и они растрескались. Он не взял с собой ничего поесть, единственную банку газировки он уже допил, как следует смял и убрал в карман.

Было тепло. Комфортно. Он был начеку. В боевой готовности. Он был напряжен, но не нервничал.

Время от времени он прохаживался по чердаку туда и обратно.

Сначала было тихо, но через полчаса или около того улица снаружи начала оживать. Клуб «Севен Эйсес» открывался в восемь. Флуоресцентные и неоновые лампы горели снаружи и освещали плакаты и вывески. Тротуар переливался синим и зеленым. Лица были оранжевыми. Он просчитал все до секунды. Достал винтовку из потайного ящика за потолочными балками. Оставил одну панель снятой, чтобы быстро вернуть ее на место. Зарядил.

Встал на позицию. Обзор был отличный. Можно было попасть в оленя в трехстах ярдах. Даже больше.

Он ждал. Только сейчас его сердце начало биться сильнее. Как и должно. Но он был невозмутим. Его рука была тверда.

Белая машина подъехала к ступенькам перед клубом, отражая мелькающие огни – то синие, то зеленые, то розовые, то золотые. Дверь открылась, и они стали выходить оттуда, смеясь, дразня друг друга и размахивая руками.

Клэр Пескод.

Она вся была у него на виду.

Он целился в сердце.

Но прямо в эту секунду девушка в глупой ковбойской шляпе споткнулась и подалась вперед.

Пуля задела ковбойшу, прежде чем попасть в Клэр, но не в сердце, не чисто.

Крики снаружи становились все громче.

Хаос.

Но не здесь.

Здесь он медленно поднялся, спрятал ружье, поставил на место панель, уверенно, легко пробежался по сломанным стропилам, нырнул за дверь. Опустил деревянный настил. Оказался на пожарной лестнице и соскользнул по веревке, очень быстро.

За его спиной крики усиливались, пока не превратились в стоны тысячи чаек, летящих ему вслед.

## Восемнадцать

– Мама, скоро будет ярмарка, скоро будет ярмарка!  
– Мама, нам можно пойти, правда, мы же всегда ходили на ярмарку?  
– И я теперь взрослая и смогу кататься на больших каруселях.  
– Не будь такой глупой, ты не взрослая, тебе не разрешат, ты опять будешь кататься в чашечках с Феликсом, нэ-нэ-нэ!

– Мам-м-м-а-а-а-а!!!

Она могла справиться с двумя своими собственными препирающимися детьми довольно легко. Но не с Саймоном.

Саймон стоял, облокотившись на столешницу, с чашкой кофе в руках.

– Так, ну и что обозначает это лицо, как сказала бы мама? Сэм, прекрати задирать свою сестру. Ты сделал домашнюю работу? Нет, даже не отвечай, просто иди и сделай ее. Папа за тобой разве не проследил?

– Он лег спать из-за джетлага.

– Отличное оправдание! Ханна, не ной. А теперь ИДИТЕ. Ты разве не на службе, Сай?

– И да и нет.

– И как прикажешь это понимать? Ну, я в любом случае выпью бокал вина. Ты останешься поесть?

Саймон пожал плечами.

– Ради бога, я не могу справляться с вами троими и с бесконечным джетлагом Криса. Что случилось, Сай? А, да, пока я не забыла, у тебя есть адрес или номер Джейн Фитцрой?

Саймон подозрительно на нее взглянул.

– Карин Мак-Кафферти в хосписе. Она хочет увидеться с ней.

– Плохо?

– Плохо.

Кэт вылезла из своих туфель и легла на диван вместе с бокалом. Она закрыла глаза и сосредоточилась на том, что она снова дома, медленно успокаиваясь и собирая весь свой внутренний ресурс, чтобы справиться с ужином и с детьми, которых надо было уложить спать. И со своим братом.

– У отца появилась подружка, – сказал Саймон.

Она открыла глаза.

– О.

– Это все, что ты, черт возьми, можешь сказать?

– Эм... Я могу сказать «хорошо», если тебе так больше нравится.

– Как ты вообще можешь такое говорить?

– Хорошо. Вот, снова сказала. И убери это выражение со своего лица. Хорошо. Хорошо. Хорошо. Если отец нашел человека, который составит ему компанию, хорошо. Почему бы и нет?

– Ты читала «Гамлета»?

Кэт вздохнула и встала с дивана. Она налила бокал вина и протянула его своему брату.

– Если у тебя зазвонит телефон – не обращай внимания. Они справятся. А теперь залей это в себя и перестань говорить глупости.

– Я так и думал, что ты примешь такую позицию. Так, черт возьми, и думал.

– Отец один, ему одиноко – хотя он скорее откусит себе язык, чем признается в этом. Он скучает по маме, прошел уже почти год с тех пор, как она умерла...

– Именно. Всего один год.

– Достаточно, если он так считает. Как бы там ни было, ты-то откуда знаешь?

Он рассказал ей.

– Я не мог этого вынести... Она была на кухне, у плиты, доставала что-то из шкафов... она была на месте мамы. Я не мог этого вынести.

– Забудь об этом. Разговор тут не о тебе, а об отце. И кто же она?

– Некая женщина по имени Джудит Коннолли.

– Вдова Дона Коннолли?

– Понятия не имею.

– Если так, она замечательная – боже, удивительное совпадение! Дон Коннолли был одним из кардиологов Бевхэмской центральной и, по иронии судьбы, умер от инфаркта.

– Плохая реклама.

– Милый был человек. Джудит прекрасная – довольно молодая. Она была его второй женой.

– Значит, привычка у нее такая.

– Ой, заткнись. Ну же, Сай, посмотри на это с другой стороны. Это может уменьшить давление на нас – хотя не то чтобы оно и так было сильным.

– Откуда тебе знать? Тебя тут не было.

– И что, оно было сильным?

Саймон снова пожал плечами.

– Господи, я тебя сейчас ударю. Ты ведешь себя как Сэм.

– Тогда забудь, ладно. Мне просто было это неприятно, Кэт. Это было... Я увидел ее в кухонном окне с улицы. Это был плохой момент.

Она положила руку ему на ладонь. Она знала. Саймон и их мать.

У него зазвонил телефон.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.